

Илья Колесников

МУРАВЬИ

12+

ТАК ЛИ ВАЖНО ЗНАТЬ, КТО МЫ ЕСТЬ НА САМОМ ДЕЛЕ?

Илья Колесников

Муравьи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64143846

SelfPub; 2021

Аннотация

Так ли важно знать, кто мы есть на самом деле? Книга расскажет историю о том, к чему пришел главный герой, задавшись этим вопросом.

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	13
Часть 3	17
Часть 4	25
Часть 5	31
Часть 6	40
Часть 7	49
Часть 8	57
Часть 9	63
Часть 10	68
Часть 11	77
Часть 12	84
Часть 13	89
Часть 14	94
Часть 15	102
Часть 16	109
Часть 17	115
Часть 18	120
Часть 19	125
Часть 20	131
Часть 21	137
Часть 22	141
Часть 23	147

Часть 24

158

Часть 25

165

Илья Колесников Муравьи

Эта книга о тебе.

Часть 1

– Так значит это вы написали?

Стояло раннее утро. Лучи солнца едва просачивались сквозь густую листву берез, покачивающихся благодаря легким дуновениям ветра. Весной бывает такая чудесная погода, когда уже не слишком юные мечтатели выходят на улицу ни свет, ни заря, только лишь для того, чтобы насладиться тишиной и уединением. У каждого человека есть собственное место, в котором он находит спокойствие, кто-то даже ищет его внутри себя, отчего даже не задумывается о том, где он сейчас находится. Но все же чаще всего тихое место позволяет, наконец, поймать и рассудить ту самую мысль, которая засела в голове еще в начале рабочей недели. И вот, преодолев все прелести ежедневной рутины, в один из выходных дней рано утром люди выходят на улицу, чтобы спокойно, не торопясь, обсудить наедине с самим собой самые важные и умные мысли.

В парке среди берез стояла лавочка. Она и сейчас стоит. Вообще говоря, она находится здесь с тех пор, когда один человек начал посещать ее в каждый свой выходной. Он сидит на ней час, может, два, бывает и целый день. Казалось, он становится единым целым со всем, что окружает эту лавочку. Обычно он сидит на ней один, но сегодня на этой лавочке оказалось два человека.

– Извините?

– Вы написали эту статью? – вновь прозвучал юный, звонкий голос.

Юноша протянул вперед газету, держа палец ровно на заголовке: «Цель. Барьер. Достижение». Газета называлась «Новая весть». Постоялец лавочки краем глаза взглянул на страницу и неспешно повернул голову в сторону незнакомца. Он встретился с ним взглядом. Его глаза поначалу выражали разве что легкую озадаченность, но вскоре уже поблескивали интересом и дружелюбием.

– Вовсе нет. Эту статью написали именно вы, – сказал человек, сидящий на скамье.

Он ответил спокойным голосом, после чего стал смотреть прямо перед собой. Владелец юного голоса находился правее его взгляда. После услышанного он словно забыл все слова, что когда-то знал. Постоялец лавочки заметил его озадаченность и возникшую неловкую паузу, после чего продолжил:

– Ваше имя и фамилия написаны внизу страницы, прямо под статьей, о которой вы меня спрашиваете.

Юноша тут же улыбнулся. Теперь уже радостно и с уверенностью, что он попал именно туда, куда хотел.

– Теперь я точно уверен, что этот текст принадлежит вам. А знаете кто мне рассказал, что вас можно найти тут?

Он присел на скамью, но чуть подвинулся, так, что оказался даже дальше от постояльца, чем незадолго до этого.

Через пару мгновений он вдруг воскликнул:

– Постойте! Но как же вы узнали, что это мое имя? Догадались?

– Готов поспорить, вы пришли ко мне, прихватив с собой пару блокнотов и ручек. Ведь они так хорошо помещаются в пиджаках. Но ваш не такой, ваш хорош тем, что под левым верхним карманом на нем прикреплен бейдж с вашим именем и фамилией. Прямо как в мои школьные годы... Что касается вас – блокнота и ручки у вас нет, зато ваша голова, похоже, все запоминает лучше любого письма.

Постоялец произносил слова спокойно, но так звучно, что юноша замер и начал вслушиваться в каждое слово, будто они были самыми важными в его жизни. Он опустил свой взгляд на пиджак. Бейдж с его именем висел на своем привычном месте.

– Вот же... А я про него и забыл. На работе нас заставляют...

Юноша не успел договорить, Постоялец его перебил:

– Заставляют?

– Да! Мы носим их только для того, чтобы наш треклятый главный редактор газеты запоминал новичков вроде меня быстрее. Но я-то знаю, что ему просто стыдно за то, что он, будучи на такой высокой должности, не может запомнить имена и фамилии каких-то пятидесяти работников...

– Так кто же вам рассказал? – вдруг спросил Постоялец.

– А? О чем?

Юнец явно не ожидал такого внезапного вопроса. Но как журналист, он быстро пришел в себя и с улыбкой на лице сказал:

– А вы догадайтесь.

Увидев, что Постоялец по-прежнему смотрит вперед и молчит, юноша продолжил.

– Ее зовут Наталья. Наталья Дьяболова.

– Да, мы и вправду знакомы, – сказал Постоялец.

Выдержав небольшую паузу, он продолжил:

– То, что вы сейчас так тщательно пытаетесь прочесть, действительно отрывок из моей книги.

– Как отрывок? Я и не думал, что есть целая книга с таким названием.

– Название у нее совсем не такое, но книга действительно есть. Только вот печатных экземпляров всего два... – задумчиво произнес Постоялец.

– Один, значит, у вас, а второй?.. – спросил юноша.

– У нашей общей знакомой.

Постоялец улыбнулся и наконец повернулся лицом к собеседнику. Последний прямо-таки сгорал от нетерпения, отчего слегка заерзал на лавочке. Немного погодя, он взял себя в руки и решил начать с того, зачем он пришел – со статьи:

– А вы могли бы ответить на пару моих вопросов по вашему отрывку?

Лавочка стояла на небольшой зеленой поляне. Прямо перед ней располагался тротуар. Он был вымощен крепкими на

вид серыми камнями с небольшими трещинами. Может даже показаться, что он сделан на манер средневекового, когда дороги были прочными и выдерживали тяжесть ослов и мулов, нагруженных мешками невероятных размеров и форм. Впрочем, эта дорога вполне могла оказаться средневековой, а может, и более старой. Сейчас по ней уже не ходят ослы, если, конечно, не брать в расчет метафору. Зато людей здесь бывает мало, особенно, сегодняшним утром. Поэтому Постоялец и выбрал это место для личного уединения и покоя. Должен признаться, есть еще одна причина, благодаря которой он так скоро обрел спокойствие у этой лавочки – прекрасный вид на озеро. Он открывался наиболее удачным образом именно с этого места. Постоялец смотрел на озеро и каждый раз находил в нем что-то новое, а может, вовсе смотрел в одну точку, как иногда бывает, и все думал о своем...

– Если эти вопросы по моему отрывку, то почему же вы сами не можете ответить на них, прочитав его? – задал встречный вопрос Постоялец.

– Мне интересны ваши дополнения к этому тексту. К тому же, вы, наверное, уже догадались, что я не могу уйти, хотя бы, не взглянув на вашу книгу?

Хотя этот вопрос был риторическим, ответ не заставил себя ждать.

– Я думаю, что вы не уйдете, пока не узнаете все, что хотите.

Постоялец улыбнулся и продолжил.

– Знаете, как Наталья однажды сказала? «Вы словно отпустили корни на этой лавочке и не позволяете себе шевельнуться, разве что случайные порывы ветра прошелестят по вашим волосам. Вы теперь единое целое с этим местом. Вы и есть это место. Без вас оно перестанет быть собой.» – так она сказала. Иронично, что я думаю об этом именно здесь. Прямо как подросток, открывший прелести личной жизни, обдумывает скорейший переезд от родителей, я рассуждаю, нужен ли я этому месту или оно нужно мне? Я дам вам ответ, если вы вернете мне тем же.

Он взглянул на юношу и тут же отвел взгляд на озеро. Как же оно было красиво. Отблески воды завораживали и придавали особый, магический оттенок всему окружению. Солнце успело немного подняться и начало слегка слепить глаза. Однако Постоялец даже не сощурился, лишь стал чуть чаще моргать.

– Но как же я дам вам ответ на такой сложный вопрос?

– А разве ваш вопрос не сложнее моего? – спросил Постоялец.

– Но ведь это написано вами. Вы ведь не могли писать, не понимая, о чем пишете, – возмутился журналист.

– Дело в том, что никто не знает, кто пишет жизни людей. Как вы думаете, вы пришли сюда потому что вы сами этого захотели или потому что я написал эту книгу?

– Если бы вы ее не написали, я бы не пришел, – осторожно сказал журналист.

– Ее бы написал кто-то другой, такой же искатель ответов, как и я. Вы задумывались, что пришли бы в любом случае, что это неизбежно?

Наступила тишина. Казалось, затихло все в округе. Прошла минута, а может чуть больше. В этом месте время шло будто бы незаметно и так тихо, словно ты мысленно попал в спокойное течение реки, которое несет тебя в неизвестное место. В этот момент оба посетителя лавочки выглядели будто одинаково. Они оба сидели чуть спустившись вниз, руки скрещены на животе, голова направлена на озеро. Можно даже сказать, что под определенным углом их можно было бы принять за одного человека.

– Никто этого не знает. Но я почему-то склонен поверить вашим словам и ответить да, – сказал юноша, наконец, выйдя из раздумий.

– Знаете, вы, кажется, только что ввели инновацию в мои размышления. Вы сделали то, чего я так долго боялся – дали ответ. Ну что же, теперь я отвечу на ваш вопрос.

Часть 2

– Вы назвали этот отрывок «Цель. Барьер. Достижение». В вашей книге, значит, существует глава с таким же названием? – начал юноша.

– Вы знаете, что самое интересное, глава называется не так, но это название носит статья в одной из газет в моей книге. Именно поэтому вы сейчас читаете ее в этом печатном издании. Ведь каждый писатель хочет увидеть свою книжную историю в реальности, не так ли? – спросил Постоялец.

– Да, но это же просто невероятно. Получается, вы просто взяли статью из газеты в вашей книге и перенесли ее в реальную газету в наш мир? – воодушевленно спросил журналист.

– На вашем месте, я был бы более деликатным со словом «просто». Как вы думаете, действительно ли в нашей жизни есть что-то простое или же это слово придумано людьми, чтобы обозначить те вещи, которые не настолько сложны, как остальные?

– По вашей логике в мире все вещи сложные. Но если есть менее сложные предметы речи, то почему бы не назвать их простыми?

– Оттого, что вы назовете сложную вещь простой, она не перестанет быть сложной, понимаете? – спокойно рассуждал Постоялец.

– Да, но разве после того, как человек достиг совершен-

ства, например, в каком-то ремесле, не стало ли это дело простым для него? – не сдавался юноша.

– Стало. Тут я считаю, что все дело в относительности. Относительно вас его ремесло сложно, но для него оно же и просто.

– Ваши слова имеют смысл. Так значит, мне стоило сказать, что вы сложно взяли статью из газеты в вашей книге или что это сложно невероятно? Это же просто нелепо, – возмутился журналист.

– Кажется, вы мне говорите о слове, а я вам о его значении. Я не принуждаю вас заменять это слово на другое, а тем более на обратное, но советую обдумывать его значение прежде, чем сказать, – не торопясь, ответил Постоялец.

Послышался шорох листьев. Веточка упала прямо между двумя собеседниками. Наступила тишина. Казалось, сама природа решила прекратить этот спор. Оба собеседника заметили веточку, разделяющую их. Она была небольшой, но обоим она показалась бревном невероятных размеров.

– Вы знаете, что такое дежавю? – спросил Постоялец.

– Конечно, с чего вдруг вы это спросили?

– Я расскажу вам кое-что...

– Ну и что думаешь, скоро кончится вся эта бойня?

– Война не бывает быстрой, ты сам это знаешь. Главное – сохранить рассудок. Это нужно. Нужно нам всем, чтобы после, в мирное время, найти свое место в жизни.

– Да ты, я смотрю, философ, друг мой.

– Конечно, пока ты меня слушал, я стащил твой кусок хлеба.

– Как? Куда? А ну иди сюда.

Экхарт помчался со всех ног с куском хлеба во рту. Когда Лютер его догнал, от хлеба не осталось ни крошки.

– Вот засранец! Одурачил меня как последнего...

Оба парня согнулись, опершись руками о колени. Перево-
дили дыхание.

– Да не бойся ты так. На вот мой кусок, я его специально оставил. Но в следующий раз беги быстрее, а то я и его съем, – сказал Экхарт, отдышавшись.

Он достал из кармана гимнастерки немного помятый кусок белого хлеба, заготовленный ранее.

– Откуда у тебя белый? – удивленно спросил Лютер.

– Я его для тебя достал. Так что ты ешь и помалкивай.

Лютер аккуратно взял хлеб. Они вернулись к своим спальным мешкам и сели каждый на свою. Вскоре оба легли на спину и стал смотреть на небо. Была середина лета. Ночью можно рассмотреть если не все звезды, то хотя бы самые известные. Не то, чтобы Экхарт интересовался звездами, но подобные вещи его завораживали. Да так, что бывало не оторвать.

– Ты спишь, Лютер?

– Да, а ты? – иронично ответил друг Экхарта.

– Посмотри, какое красивое небо.

– Ага, даже смотреть больно?

Лютер выглянул из мешка:

– А, так вот чего ты такой веселый лежишь.

– Не бойся, завтра все изменится. Пришло известие, что враг добрался и до нашего тихого местечка, – сказал Экхарт, отведя взгляд на Лютера.

– Значит, это последняя спокойная ночь...

Послышался треск кузнечиков. Спустя минуту наступила тишина. Никто больше не произнес ни слова в эту ночь. Только лишь изредка доносилось шуршание солдат, которые не могли уснуть. Но вскоре и оно стихло.

Часть 3

Тишину ночи прервал внезапный вой сирены. Началась суматоха. Солдаты разом вскочили со своих коек и, на ходу собирая все необходимые вещи, побежали к шатру командира, где стоял старшина и отдавал приказы. Ему помогли двое солдат, направляющих остальных в нужные взводы. Видимо, они стояли в карауле всю спокойную часть ночи.

– Что случилось? – спросил Лютер.

– Враг атакует, неужели неясно? – отчеканил старшина.

Через минуту после всеобщего пробуждения на улице стало невероятно светло. Будто ночь внезапно перешла в день. Два товарища встретились взглядами и исчезли в ряду солдат за пределами казармы.

Экхарт и Лютер не были старыми товарищами со школы или колледжа. Они подружились в поезде по пути сюда, на войну. Поезд направлялся из Германии в Эстонию, с пересадками в Польше и Литве. Он перевозил беженцев. Конечно, это происходило незаконно, а точнее сказать, не патриотично. Но тот, кто это затеял, оказался не настолько глуп, чтобы перевозить только лишь беженцев. Поэтому вагоны были заполнены наполовину беглецами, а на другую обычными пассажирами, желающими переехать подальше от Германии, подальше от войны.

Лютер ехал с самой первой остановки, а его будущий товарищ сел на поезд в Латвии. Хотя лучше сказать, запрыгнул в него, когда поезд остановился в столице. Вот как это произошло:

Машинисту и всему экипажу нужно было разобраться с бумагами на выезд. Двери в поезд были закрыты. Все, кроме одной – двери машиниста. На платформе толпился народ, люди что-то кричали и совали руки и удивленные лица в окна вагонов. Разумеется, ничего разглядеть они не могли. Серые занавески не пропускали даже намека на солнечный свет. Экхарт воспользовался такой суматохой и незаметно запрыгнул в вагон машиниста. Однако так думал только он. Оказавшись в вагоне, он тут же услышал крик позади себя.

– А ну стой!

Экхарт рванул вглубь поезда. Он бежал и с молниеносной скоростью искал глазами хоть одну открытую дверь в купе. И он ее нашел. Вбежав внутрь, он посмотрел на единственного пассажира, лежащего на сиденье. Это был Лютер. Он встал, поднял крышку того, на чем сидел и сказал: «Залезай». Экхарт повиновался. Спустя пару мгновений ситуация в купе стала прежней – Лютер мечтательно лежит на сиденье с видом полной безмятежности.

Послышался стук сапог. Он все приближался и, наконец, большой, рослый мужчина ворвался в купе. Он с быстротой хищника оглядел помещение и устремил свой взгляд на Лютера:

– Где он?

– Кто? – удивленно спросил Лютер

– Не прикидывайся дураком! Где тот, кто вбежал в поезд?

Мужчина начал свирепеть. Что было видно по его багровеющему лицу. Такую ярость можно было понять, ведь в его задачу входило поскорее избавиться от пассажиров, а не набирать новых, особенно в городе, в котором такая длительная остановка даже не была предусмотрена.

– Я никого не видел. Сами посмотрите, я здесь один. Может он в туалете? – растерянно ответил Лютер.

Гость сделал вид, что оглядел комнату внимательнее и вскоре остановил свой взгляд на расстегнутой кофте Лютера. В вырезе виднелась немецкая солдатская форма. Лютер заметил его взгляд и замер. Он подумал, что сейчас его заберут. Заберут навсегда и о нем больше никто не узнает.

– Черт побери! – воскликнул мужчина.

Он резко выбежал из купе. Какое-то время был слышен стук сапог, но вскоре его шаги затихли. Лютер выдохнул. Он встал, подошел к дверному проему и, убедившись, что коридор пуст, закрыл дверь.

– Ну, вылезай, – сказал Лютер, слегка постучав по сиденью.

Вскоре Экхарт оказался на воле и уже сидел на скамье напротив своего спасителя.

– Будто в гробу побывал. Ну и лицо у него было, красное все да глаза бешеные, – сказал он.

– А ты будто видел? – сказал Лютер, внимательно посмотрев в глаза своему собеседнику.

– Конечно, ты смотри, какая щель между крышкой и сиденьем. Не закрой я глаза в один момент, он бы вмиг мои белые зрачки обнаружил.

Лютер наклонил голову, убедился, что щель действительно большая. Поднимая голову, он получил щелчок по носу.

– О! Внимательней надо быть! – весело воскликнул Экхарт.

– Ты что же, шутишь? Так и я сейчас тебе пошучу – позову того громилу, он быстренько тебя с лавочкой на улицу вынесет, – слегка обиженно сказал Лютер.

– Ну ладно, ладно. Спасибо тебе, что дал мне спрятаться. Если бы не ты, я бы уже и вправду на улице был.

Парни пожали друг другу руки.

– Не бери в голову, – Лютер глубоко вздохнул.

Он уселся поудобнее, будто предвкушая долгий разговор, и продолжил:

– Ну, так откуда ты такой взялся?

– Кажется, я здесь жил, – ответил Экхарт.

– Странный ты, ну да ладно... Денег на билет нет. Значит, беженец?

– Деньги-то есть. Самое забавное, что билетов нет. Не ходят у нас теперь поезда, а без специального пропуска, так тем более.

Экхарт помедлил и сглотнув, продолжил:

– Слух один прошел, будто страна наша в войне участвовать не собирается. Люди говорят, что мир у нас будет и спокойная жизнь. Только вот я здраво помыслил и рассудил, что захватят нас и мы под их дудку будем плясать. А если захватят, так о свободном передвижении забыть можно – в армию заберут. А я воевать не люблю. Честно сказать, идея запрыгнуть в этот поезд пришла мне случайно. Я и не знал о нем минут десять назад. На вокзале продукты покупал, заметил на платформе толпу, а за ней и поезд. И вот теперь я тут, – закончил Экхарт.

Лютер впервые оглядел своего попутчика сверху вниз. Экхарт выглядел довольно молодо. Лицо его было узким, брови широкими, а глаза выразительными. Растительности на лице было мало, хотя сразу было ясно, что парень совершеннолетний. «Как раз призывник» – подумал Лютер. Одет он был в черную кожаную куртку, надетую поверх кофты и синие джинсы. На ногах белые кроссовки, с виду дорогие. Итог был такой: обычный подросток, ищущий приключений себе на шею.

– То-то я смотрю у тебя пакетов с продуктами так много, что и сосчитать боюсь, – кивнул Лютер на ноги Экхарта, возле которых не было ничего, кроме вагонной пыли.

– А, был один и тот потерял. Хотя, наверное, в толпе все мои продукты и растаскали. Ну а ты что тут делаешь? Явно не на отдых собрался?

Экхарт оглядел своего собеседника в ответ. Почему-то

ему показалось, что они с Лютером давние друзья. Будто они знакомы с самого детства. Лютер был одет в темные полуботинки, черные штаны и темно-зеленую кофту, за которой виднелась военная форма. Только вот лицо Экхарту казалось совершенно незнакомым. Оно было слегка овальное. Глаза смотрели прямо на него, расслаблено и немного грустно. Нос прямой, щеки чуть впалые. Под носом красовались усы. Они шли вдоль губ, а после немного завивались вверх. Наверное, это была самая приметная часть его лица. Усы были слегка небрежные, но красиво на нем смотрелись, взрослому, может, даже по-военному. Экхарт уже догадался, что Лютер солдат, но едет он совсем не на войну.

– Я? Беженец, – сказал Лютер, понимая, что нет смысла скрывать правду.

Двое пассажиров успели узнать лишь немного друг о друге, но вскоре почувствовали, что подружились и что это, вероятно, навсегда. Они говорили обо всем: о семье, о любимое еде, о развлечениях, в которых нашли немало общего, в особенностях личной жизни и даже о том, с какой ноги лучше утром вставать – с правой или с левой. Они говорили обо всем, но только не о войне. В их мыслях все время вертелось это слово, но оно было лишь мальком в гигантском озере – поймать его было сложно, так что ни один из собеседников даже не пытался этого сделать.

Ночь поспешно сменяла день. В вагоне выключили свет. Оба собеседника ненадолго замолчали. Наконец, стал слы-

шен шум колес. Лютер зевнул и потянулся, делая вид, что собирается лечь спать. Но Экхарт даже не посмотрел в его сторону, он одернул занавеску, открыв окно и стал смотреть на небо. Оно было усеяно звездами. Казалось, что их было так много, что не хватит целой ночи, чтобы их сосчитать.

– Что ты делаешь? – еще раз зевая, спросил Лютер.

– Я просто смотрю на небо. Сегодня оно красивое... пока красивое...

– Пока? – слегка удивленно спросил Лютер.

– Ну да, любуюсь, пока могу. А куда кстати направляется поезд? – спросил Экхарт, поворачивая голову к собеседнику.

– Честно сказать, не знаю. Мне дали возможность уехать, я не упустил шанса и воспользовался им. Говорят, конечная – город Нарва. Но я понятия не имею, где он и сколько еще до него.

– Никогда там не был, но слышал, что это далеко – сказал Экхарт и вернулся к окну.

– Вероятно, там мы это и обсудим. А покамест, я ложусь спать. И тебе советую, – сказал Лютер, лег на сиденье, закутался одеялом, что было у ног и тихо задремал.

Экхарт посмотрел на свои часы. Они были круглые, позолоченные сверху, ремешок был кожаным, с виду дорогим. Сбоку была шестеренка для того, чтобы их заводить. Он не знал, откуда у него эти часы, но точно помнил, что носил их с самого детства, когда они были велики даже на последней дырочке ремешка. Об их старости говорили некоторые вмя-

тины и пятна.

В вагоне было темно. Экхарт еще смотрел в окно. А когда закончил, сказал:

– Пожалуй, – он увидел, что его друг уже спит, затем занавесил окно и тоже лег спать.

Часть 4

Экхарт спал тревожно, часто ворочался на и без того неудобной скамье. Однако всю ночь он думал он не об удобстве, а о своей будущей жизни, жизни без войны. Ему снилось, как его забирают прямо из поезда. Здоровяк заходит в купе ночью, хватаят Экхарта за шкирку и на ближайшей остановке высаживает на уличную лавку. Больше никто его не найдет и не вспомнит о его существовании. Экхарту часто снились сны, в которых его куда-то забирают, но почему-то ему не запомнился ни один. В подобные ночи он не раз обдумывал свою жизнь, настоящую и будущую.

Он открыл глаза. Перед ним была темнота. Немного поморгав, Экхарт начал различать некоторые объекты, а через несколько секунд уже наблюдал за своим соседом по купе. Лютер лежал с закрытыми глазами. Еще спит – так подумал Экхарт и немного отдернул занавеску. Солнечный свет ударил сначала в лицо молодого латвийца, а после стал заполнять все пространство, куда он только мог проникнуть через такую малую щель. Окончательно проснувшись и пару раз уверенно моргнув, Экхарт повторно заглянул в окно. Он увидел дом, затем улицу, и наконец, главную площадь города Тарту. Это была Эстония. Тарту – поразительно красивый город. Его отличительной чертой является то, что он совмещает сразу два типа архитектуры – средневековую и модерн.

Это ненадолго заворожило Экхарта. Но вскоре он услышал, как поезд зашипел и начал сбавлять ход. Парень насторожился и присмотрелся внимательнее: на площади были солдаты. Немецкие вояки маршировали прямо перед ратушей.

Экхарт ужаснулся и рванул к Лютеру, не успев даже поменять позу. Отчего он упал на пол, но тут же вскочил на ноги и стал будить своего попутчика.

– Вставай, Лютер, ну же! – сказал Экхарт, дергая друга за плечо.

Лютер сонно протер глаза и зевая, приподнялся насколько позволяла высота между нижней и верхней полками.

– Что такое? – спросил он все еще просыпаясь.

– Нас обманули, этот поезд ехал прямо к немцам. Вставай, нам надо бежать.

Лютер вскочил и ударился головой об верхнюю полку.

– Что? Как? – тихо проговорил он, поглаживая ушибленный лоб.

Лютер одернул штору и не боясь солнечного света, внимательно взгляделся в вид из окна. Вскоре он перевел взгляд на Экхарта и сел обратно. В этот момент поезд остановился.

– Этого не может быть... – пробормотал он, держась руками за голову.

– Потом будешь жаловаться на жизнь, вставай, – сказал Экхарт, поднимая друга за плечо, – Эй, проснись уже! – он шлепнул ладонью по щеке Лютера.

Тот очнулся и наконец, пришел в себя. Он встряхнул го-

ловой и сказал:

– Ты прав, пошли. Сейчас, только возьму сумку.

– Тихо, кто-то идет, – вдруг прошептал Экхарт.

Оба парня пригнулись, чтобы их теней не было видно через затемненное стекло в небольшом дверном окошке. Сама дверь была закрыта. Послышались неспешные шаги. Двое людей направлялись к голове поезда. Вскоре стал слышен их разговор:

– Да, господин майор. Все, как мы договаривались. Сто сорок два беженца из Германии прибыли в назначенное время, – докладывал машинист.

Поговору его узнал Экхарт. Именно машинист кричал ему вслед еще вчера. Он оказался немцем.

– Хорошо, хорошо, – отчеканил в ответ грубый голос.

Двое остановились прямо у двери в купе Экхарта и Лютера, после чего продолжили разговор.

– Правда есть один беглец, он не немец. Вбежал, когда мы оформляли бумаги в Латвии. Ночью я нашел купе, в котором этот беглец спрятался. Мы как раз возле него, не хотите ли взглянуть? – машинист схватил ручку двери, отчего та слегка открылась вбок.

Двое беглецов приготовились броситься на немцев и побежать со всех сил.

– Нет необходимости. Главное, чтобы мог держать оружие в руках, – проговорил майор и двинулся дальше.

Машинист отпустил ручку двери и последовал за своим

начальником. Вскоре шаги стихли. Как только это произошло, Экхарт выдохнул и осторожно открыл дверь. В проходе никого не было.

– Все чисто? – спросил Лютер, стоя позади.

– Да, идем.

Друзья двинулись в конец поезда, надеясь найти открытые двери, через которые вошли машинист и его собеседник. Пройдя в полусогнутом состоянии полвагона, Экхарт увидел свет, исходящий из выходной двери.

– Есть! – сказал он.

Они двинулись дальше. Оказавшись у выхода, они осмотрели платформу. Расстояние между ней и спусковой лестницей поезда было достаточно большим, чтобы в него пролез взрослый человек. Это и заметил Экхарт.

– Под поезд, – скомандовал он.

Сначала полез Экхарт, за ним Лютер, который, оказавшись на земле, тут же принял командование на себя:

– Ну, поползли!

Они направились к хвосту поезда. Постоянно озираясь по сторонам, они, наконец, доползли до назначенной точки. Экхарт выглянул наружу, чтобы убедиться, что дверь в хвост закрыта. Лютер в это время проверял, есть ли дозорные на платформе.

– Ну? – спросил Лютер.

– Чисто, а у тебя?

– Видишь справа стоит солдат? Это явно новобранец. Ес-

ли заметит, максимум – засвистит в свисток.

– Понял, ждем, когда он отвернется и бежим вон за тот угол, – Экхарт пальцем показал на закоулок, находившийся метрах в двухстах от беглецов, – если побежим наискосок, со стороны левой платформы из-за поезда нас не будет видно, а справа только тот новобранец.

Вскоре нужный момент наступил и оба парня бросились к условленному месту, стараясь не слишком громко швырять ногами камни. Оказавшись в безопасности, они встали и попытались отдышаться.

– Мне казалось, из нас двоих был в армии только я, – сказал Лютер, все еще восстанавливая нормальное дыхание.

– Я читал много романов. А теперь, нам надо переодеться. Есть в твоей сумке сменная одежда?

– Нет, – с досадой ответил Лютер.

– Тогда выверни куртку наизнанку и надень, а я сниму свою, мою кофту еще никто не видел.

– Умно! – сказал Лютер и последовал совету друга.

Когда они закончили, Экхарт на всякий случай подогнул штаны, а Лютер засучил рукава. Теперь они хотя бы на первый взгляд выглядели иначе, чем их видели в поезде.

– Говоришь, я умный, а сам издали определил новобранца! – вдруг сказал Экхарт.

– Так ведь я неправильно определил. У этих дозорных вообще нет звания. Туда берут тех, кто не хочет на войну, кто испугался настолько, что даже не сумел сбежать.

– Ты ведь не испугался?

– Я по другой причине не хочу на войну. Но об этом потом. Если будем тут стоять, наше исчезновение вскоре обнаружат, – сказал Лютер и посмотрел на Экхарта.

– Ты прав. Пошли.

Часть 5

Экхарт и Лютер стояли возле кладбища. Рядом с ними находилась голубая машина. Она была грузовой и скорее походила на газель. На такой обычно перевозят продовольственные товары в другие города. Она может проехать многие километры по дорогам Эстонии и не только. Но путников интересовала лишь дорога в новую жизнь. Они договорились с водителем, чтобы он довез их до озера Пейпси. А после пешком до устья реки Нарва. Немного расспросив водителя, они узнали, что возле этой реки есть тихое местечко – деревня с интересным названием Яама и даже с собственной рекой. Там они и собирались обосноваться на время войны.

Экхарт предложил поехать именно туда отчасти из-за своих эстетических предпочтений. Он с детства мечтал побывать в настолько тихом и уединенном месте. Но основной причиной стало то, что там жила его бабушка. Так он убеждал Лютера. На самом же деле, никакой бабушки у Экхарта не было. Он вообще не помнил, остались ли у него какие-либо родственники, ведь мать и отец умерли совсем недавно. Но Экхарт не мог просто сказать, что хочет покоя, поэтому придумал историю с бабушкой. Однако Экхарт не думал лишь любоваться этим местом, он хотел перенять всю красоту в себя, превратить ее в красоту души. Так он говорил наедине с самим собой.

Лютер хотел уйти подальше от войны, оказаться в месте, не затронутом той бойней, которую все вокруг предсказывают. Потому он согласился со своим товарищем, и они незамедлительно решили отправиться в путь, чтобы оставить все неприятные воспоминания в этом месте и обзавестись только лишь приятными в деревне Яама на реке Нарва.

– Так что, до озера Пейпси за две тысячи крон? – спросил Экхарт.

– Да, могу довести вас до Нарвы за эту сумму, – сказал водитель слегка растянуто.

Экхарт не любил рассматривать людей, но тон их водителя заставил внимательнее оглядеть его. Усталый вид и немного глупое выражение лица, проступающая седина в волосах и щетина на подбородке точно не внушали уважения, но давали надежду на новую жизнь. Мятая серая рубашка и штаны, которым с виду больше лет, чем самому водителю говорили о том, что поездка будет низкого класса. Однако друзья уже все решили и время их свободы в этом городе подходило к концу, так что они смирились.

– Так даже будет лучше. От устья Нарвы нам меньше идти, – сказал Экхарт с легким недоверием и подал знак Лютеру, что можно садиться в машину.

Все трое погрузились на сиденья, водитель завел машину, и Экхарт тихо сказал:

– В путь.

– В путь, – ответил Лютер.

Путешествие предстояло не слишком долгое, а после поездки на поезде оно казалось легкой прогулкой. Поэтому оба друга расслабились и занялись своими делами. Экхарт наслаждался видом из окна всю поездку. Лютер сначала тоже смотрел, но вскоре понял, что его клонит в сон. Они лицезрели то, что редко увидишь в городе – поля, деревья, траву. Они видели природу. Тихую, спокойную и безмятежную. Она казалась олицетворением умиротворения, которое хочет найти путешественник, пройдя длинный путь. Лютер смотрел на нее не так, как его друг. Он смотрел на красивые вещи глазами и видел лишь траву и деревья, небо. Он видел красоту материальную. А Экхарт смотрел душой, ему не важно, насколько цвет очередного пышного распустившегося куста подходит под его эстетические предпочтения, нет, он наслаждался атмосферой того места, которое было создано природой, он видел в этом отражение красоты своей собственной души.

Экхарт погрузился в вид из окна, хотя Лютер уже уснул под убаюкивающие покачивания кабины. Спустя несколько часов Экхарт вдруг резко припал к окну. Он увидел озеро. Оно выглядело потрясающе: лучи солнца мягко ложились на поверхность воды и растекались по ней словно ручей. Дорога шла вдоль озера. Полпути было уже пройдено.

Прошел еще час. Озеро сменилось рекой. Экхарт было подумал, что их путь завершен, но водитель все еще ехал. На его лице не было никаких эмоций, только глуповатая и устав-

шая мина.

– А мы разве уже не проехали нашу остановку? – решил спросить Экхарт.

Лютер не спеша проснулся и стал наблюдать за происходящим. Он сидел между водителем и Экхартом.

– Нет. До нарвы еще час-два пути, – глухо отозвался водитель.

– Но ведь мы уже на Нарве, – сказал Экхарт.

– Послушайте, что значит, на? Не на Нарве, а в Нарве. Ну и безграмотная же сейчас молодежь.

– Вы что же, хотите нас в реку отвезти? – с недоумением спросил Экхарт.

– О чем вы? Мы едем в город Нарва.

На секунду водитель повернулся к Экхарту и вернулся к дороге.

– Ээ-э нет, братец, – вдруг вступил в разговор Лютер, – мы договаривались на реку Нарва. Сразу сказали, что нам нужно на устье реки.

– Чего вы пристали-то? Я вообще думал, устье – это магазин такой или слово иностранное, а то говор-то у вас как раз не местный.

– Вот попали... – с досадой сказал Экхарт.

– Не то слово. Таких олухов как вот этот, – Лютер показал большим пальцем на водителя, – еще поискать надо.

– Попрошу без оскорблений. А то прямо здесь вас вышвырну.

– Мы об этом и просим.

– Нет, здесь не могу останавливаться, у реки нельзя, – озадаченно сказал водитель.

– Да что же это? Прыгать нам что ли? – возмутился Лютер.

– Подожди. Давай так: доедем до города, а там посмотрим. До него солдаты точно не добрались, – спокойно сказал Экхарт.

– Ладно, лишь бы ты прав оказался, а то недалеких людей нам хватит на сегодня, а мне особенно.

Оставшуюся часть дороги все молчали.

– Ну, вот и город, – сказал водитель с чувством выполненного долга.

Лютер повернул голову к Экхарту:

– Как договаривались? – прошептал он.

Экхарт кивнул. Как оказалось, оставшуюся часть поездки молчали все, кроме водителя. Двое друзей решили наказать недотепу. Машина остановилась, Экхарт тихонько начал открывать дверь и как только путь был свободен, оба парня рванули из машины, что было сил. Водитель и опомниться не успел, как справа от него вместо двух пассажиров оказалось пыльное облако. Пыль медленно, словно снег, опустилась на свое место, будто показывая, что только она здесь сохранила верность водителю.

Вскоре друзья оказались у антикварного магазина. Они стояли и глотали воздух, будто он был последним на Земле.

– Вот мы его одурачили! За две тысячи крон он нас дове-

зет. Да у нас даже такой суммы нет. А если бы и была, то лучше бы в этой лавочке ее потратили, – сказал Лютер, смотря на магазин, напротив.

– А это мысль. Пошли прикупим себе что-нибудь, – вдруг ответил Экхарт.

– А на еду?

– На еду заработаем. Все по плану. Помнишь?

– Давай для начала все осмотрим в магазине. Может, нам ничего не понравится.

Спустя полчаса друзья вышли из лавочки очень довольные, но бедные. Точнее, Лютер остался почти без денег, купив себе медальон, а Экхарт потратил всего ничего. На медальоне был нарисован волк, а ниже была весьма глупая, но очень уж интересная фраза. Лютер в детстве увлекался различными местными народами и сразу же узнал надпись на шотландском, поэтому купил аксессуар, не раздумывая. Надпись была такая: «Chan e wolf, ach tha a'fuireach a-measg madaidhean-allaidh».

Экхарт же вышел с небольшим янтарным кулоном на шее. Он не был особенно примечательным, однако Экхарт купил украшение, как только его коснулся. Он почувствовал, будто оно уже было его собственным раньше и захотел «вернуть его себе». Экхарт верил в мистические вещи различного рода, поэтому обращал особое внимание на то, что вызывало необычные чувства и выглядело необычно или очень знакомо. Увидев огонь в глазах покупателя, продавец тут же хотел

накинуть приличную сумму к цене, но Экхарт заметил, как настоящий ценник медленно уползает в карман продавца. Продавец отстаивал завышенную стоимость, но Экхарт упомянул о ценнике в кармане, и торговец уступил. Удовлетворенные каждый своей покупкой, товарищи вышли на улицу.

– Ну и что у тебя там написано? – спросил Экхарт, кивая на медальон Лютера.

– Хан е вольф... – начал Лютер с высоко поднятыми подбородком.

Экхарт его тут же прервал:

– Стой, стой. Давай на человеческом языке.

– Ну-у, – протянул Лютер, – здесь написано что-то вроде: «Я не волк, но живу с волками».

– А, понятно – купил из-за живописной морды волка, – утвердительно сказал Экхарт.

– Да, но и надпись ведь как гармонирует, – отстаивал свой медальон Лютер.

– Ну, конечно, – усмехнулся Экхарт.

– А ты что купил?

– Ничего особенного, вот этот янтарный кулон, – Экхарт слегка оттянул украшение от шеи, чтобы Лютер его рассмотрел.

– Неплохой. Подходит к твоим волосам по цвету, – сказал вдруг Лютер, осмотрев кулон.

– Да, и вправду подходит, – задумчиво произнес Экхарт, накручивая случайный локон своих волос на палец.

Волосы Экхарта были не то чтобы янтарного цвета, но очень близкого к нему, по крайней мере, по оттенку. Он взглянул на Лютера. Тот имел темно-коричневые волосы. К медальону с волком они не шли, зато Лютеру были в самый раз.

– В общем, предлагаю найти где-нибудь карту города и оценить наши шансы на ночлег, а то ведь уже вечереет, – сказал Экхарт, задрав голову и внимательно рассматривая темно-синее небо над собой.

– Давай спросим в это магазине, – предложил Лютер.

– Тогда обратно.

Друзья вернулись в магазин и осмотрели карту. Продавец подсказал, где находится его магазин. Он располагался неподалеку от главной дороги. Лютер провел пальцем по линии с Запада на Восток, и вскоре палец уперся в мост, названный позднее «Sörguse», то есть, «Дружба». Товарищи переглянулись. Они решили, что им обоим пришла в голову одна и та же мысль. В подтверждение этого Экхарт кивнул и обратился к продавцу, который в это время читал газету:

– А что за этим мостом? – спросил он, взяв название моста под контроль своего пальца.

– Хм, граница города. Я бы даже сказал, страны. Да, так точнее, – ответил он, уже возвращаясь к чтению.

– Постойте, а что же все-таки за мостом? Какая страна? – не сдавался Экхарт.

– Хм, – он взглянул в газету, вчитываясь в первую стра-

ницу и застыл так на две минуты.

Тогда Экхарт решил, что его игнорируют и хотел было сказать что-то, но продавец тут же продолжил:

– Судя по свежим новостям, за этим мостом враги. Я бы не советовал вам туда соваться.

Газета была действительно свежая, 10 июня 1939 года.

Оба парня вышли из магазина, зная, куда они направятся. Они жаждали новой жизни, хотели обуздать свободу и выбраться за грань той реальности, которая очень долго удерживала их в местах, откуда они родом. Друзья уже не бежали от войны, они бежали от прошлой жизни, каждый от своей. Но она не переставала преследовать обоих. Теперь это их жизнь, и они сами создают свою судьбу.

Часть 6

– Так они направились к мосту? – спросил журналист.

– Да, – не спеша, ответил Постоялец.

– Но зачем? Почему тем, кто хотел тихой и мирной жизни, захотелось пересечь мост? Они отказались от идеи спуститься к реке? – не унимался юноша.

– Они отправились туда, чтобы узнать, кто они такие. Эти двое, если бы они остались в городе, то не смогли бы из него выбраться. Нарва вскоре стала закрытым городом. Не войти, не выйти, – с легкой грустью в голосе сказал Постоялец.

– Значит, они пошли искать себя? – заинтересованно спросил журналист.

– Да. Но не только себя, смысл жизни, – задумчиво произнес Постоялец.

– Они его нашли?

– Раз уж ты задал такой вопрос, то задумывался ли сам об этом?

– А зачем мне искать смысл жизни?

– Ты задаешь правильные вопросы. И правда, почему мы должны искать его? – Постоялец повернулся к юноше.

– Наверное, потому что без него мы бесполезны.

– Бесполезны для мира или для себя? – не отступал Постоялец.

– Опять относительность? – с небольшой веселостью в го-

лосе спросил юноша.

– Конечно, не без этого. Понимаешь, поиск смысла жизни лучше начать с мыслей, которые помогут определить, для кого ты живешь.

– Но неужели нельзя жить для себя и для близких тебе людей одновременно?

– Можно. Я думаю, что мы не будем бесполезны без смысла в жизни. Куда страшнее не иметь цели. Люди, не знающие, чего они хотят куда страшнее тех, кто не знает, зачем живет.

– А какая цель у вас? – вдруг спросил журналист.

– Я писатель. Так или иначе, я меняю мышление людей или, как мне кажется, направляю их мысли в то русло, из которого они выплывут к ответу.

– Вы отвечаете так, будто всю жизнь готовились к такому расспросу.

– А ты думаешь, чем я тут обычно занимаюсь? — Посто-ялец улыбнулся и посмотрел юноше в глаза.

Вдруг собеседники засмеялись. Сначала тихонько, а после все сильнее и сильнее. Они смеялись, и им было хорошо. Кажалось, между ними развеялся очень густой туман, это был туман раздумий. Он возникает между людьми и держится годами, мешает людям видеть истинную красоту места, в котором они находятся. Теперь туман рассеялся и все залилось новыми красками. Лавочка из тускло-желтой превратилась в ярко-оранжевую, небо выкрасилось в голубой, а солнце засияло с новой силой, преображая тихую водную гладь в ска-

зочную водяную скатерть.

Это заметил сначала журналист, а потом и Постоялец. Теперь он смотрел на озеро новыми глазами. Глазами счастья. Юноша это заметил и спустя пару минут осторожно спросил:

– Расскажите, что было дальше?

– А ты правда хочешь узнать? – спросил его Постоялец в ответ.

– Да, может, эта история поможет мне понять, есть ли у меня цель в жизни.

– Пожалуй, вот эта история, – Постоялец показал пальцем на газету, которую юноша держал в руках, – поможет вам разобраться.

– Ах да, «Цель. Барьер. Достижение», – дикторским голосом прочитал журналист, – допустим, я определю цель, а что мне делать с барьером?

– Барьер – это ты, – улыбнулся Постоялец юноше.

– То есть, я сам себе мешаю достичь цели?

– А ты поставь себе цель и посмотри, что будет.

– Вы знаете, Толстой сказал...

Журналист не успел договорить. Его перебил Постоялец:

– На самом деле, я думаю, что нет смысла называть автора каких-либо слов, ведь тогда тебе придется передать смысл так, как это сделал бы написавший. А мы не всегда знаем, что именно имеют в виду люди, особенно те, которых уже нет в живых.

Юноша ненадолго задумался. Постоялец продолжил:

– Более того, я поделюсь с тобой одной мыслью: наиболее важными являются высказывания тех людей, которые ещё не стали великими, но стремятся к этому.

– Почему? – спросил он.

– Потому что самые ценные слова – это те, которые сказаны в момент откапывания истины. То, что ты мне хотел сказать, это мудрость. Считается, что она приходит с годами. Я думаю, что мудрость – это совокупность знаний, заключенная лишь в нескольких словах. Ее может выдать и ребенок. Главное понимать, что мудрость – это не великое высказывание, а всего лишь, итог из прожитой жизни, будь она короткая или длинная.

– Значит, лучше слушать тех, кто постоянно стремится к своей цели, а не тех, кто ее уже достиг?

– Я бы так и поступил, – сказал Постоялец, переводя взгляд на юношу. Немного погодя, он продолжил, – Но это не значит, что не нужно слушать людей, достигших своей цели. Хотя, пожалуй, по-настоящему великий человек, достигнув одной цели, будет искать способы достижения следующей. Из этого следует, что он всегда стремиться к цели, а значит, узнает все новые и новые способы достижения желаемого.

– Вы сказали, что он будет искать способы, но почему не новую цель? Он всегда имеет одну в запасе?

– Не думаю, что цель можно найти, скорее, ее можно обозначить для себя. Ты можешь продумать сразу несколько целей. Хотя я бы не рекомендовал так делать. К тому же, важно

понимать, какой цели ты сможешь достичь. Например, найти смысл жизни – по моему мнению, недостижимая цель.

– А что насчет вашей цели? – спросил журналист, вспомнив о своей профессии.

– Она содержится в словах, которые я только что произнес, – сказал Постоялец и улыбнулся.

– Смысл жизни?

Постоялец согласно кивнул. Немного подумав, он сказал:

– Я открою тебе маленький секрет: все, что я сказал, было придумано прямо во время разговора. Ты лишь направлял мой ход мыслей в нужную тебе тему, а я находил ответы для тебя.

– Вы довольно быстро мыслите. Некоторые ваши слова мне до сих пор кажутся необычными и тяжелыми для размышления. Кстати, я тут вспомнил одно изречение: «Если хочешь сохранить тайну, не говори, что ты знаешь тайну» – с довольным выражением лица сказал журналист.

– Звучит красиво, – улыбнулся Постоялец, – конечно, не совсем к моему случаю, но ты явно делаешь успехи.

– В вашем отрывке я прочитал одну фразу. Я не помню ее наизусть, но смысл в том, что если хочешь подружиться с человеком, то надо полностью расположиться к нему: использовать его фразы, продолжать его слова и даже копировать его движения.

– Да, есть такой абзац, – немного посерьезнев сказал Постоялец.

– Но что, если я делаю это неосознанно? – задумчиво произнес юноша.

– Что вы точно сделали неосознанно, так употребили слово «надо». Если заметите, в моем отрывке нет такого слова, как и во всей книге, кстати говоря.

– А что не так с этим словом? Хотя постойте. Я уверен, сейчас будет какой-то большой смысл, как со словом «просто», – сказал журналист, приподняв брови.

– Не знаю, почему вы ждете от меня какого-то особого смысла, колкой фразы или даже наставления по жизни. Я пишу и говорю лишь то, что в моих мыслях. Я не советую к ним прислушиваться, напротив, хочу, чтобы их отрицали все, кто слышит. Но моя мечта в том, чтобы в тишине, наедине с собой, человек, услышавший мои рассуждения, задумался о них. Неважно, примет он их за правду или нет, главное, что он определит вопрос, заданный мной, важным, – довольно быстро сказал Постоялец.

– Все-таки, могу я узнать, почему в вашей книге нет слова «надо»? – осторожно спросил юноша.

Он уже давно перестал замечать течение времени в этот день. Юноша всегда знал, сколько времени и гордился своей способностью угадывать его, не смотрев на часы. Спроси его сейчас случайный прохожий, сколько времени, он бы задумался. Но что журналист точно знал, так это то, что он боится потерять такого собеседника, как Постоялец, который сидит с ним на лавочке и смотрит на озеро с самого раннего

утра.

В этот момент юноша боялся даже посмотреть на Посто-
яльца. Его слова звучали очень гласно, хотя и были тихи-
ми. Любой человек, услышавший их, почувствовал бы себя
неловко и зажато. Но журналист все же посмотрел на своего
собеседника. Отчего-то ему казалось, что он понимает это-
го загадочного писателя. Хотя туман в голове мешал понять
все слова, но ему вдруг показалось, что он слушает душой,
а не головой. Он сидит возле него и слышит его душевные
переживания, хотя о них Постоялец не сказал ни слова.

Но юноша все же посмотрел на своего собеседника. Ли-
цо Посто-яльца выглядело на удивление бодрым и свежим,
даже молодым. Волосы были темными, не очень короткими,
но и не очень длинными, немного укороченными на висках.
Они были слегка объемными. Лоб был открытым. Глаза кар-
рие. Ниже располагался нос с небольшой горбинкой. Губы
образовывали слабую улыбку. На нем была белая рубашка и
темно-синий кардиган поверх нее. На шее виднелась сереб-
ряная цепочка, но того, что на ней висело, не было видно.
Руки сложены в замок на ногах, закинутых друг на друга.
Правая на левую. Он носил клетчатые синие брюки. На ногах
были полуботинки черного цвета. Красные носки четко от-
деляли брюки от обуви. Постоялец был худощав, но выгля-
дел довольно большим и высоким.

– Ну а что значит надо? – на удивление весело спросил
Постоялец.

– Когда необходимо, – ответил журналист.

– Верно, а теперь вернемся к вашему пересказу моих слов из отрывка. Надо ли располагать себя к собеседнику?

– В этом ведь и правда может быть необходимость.

– Да, но ведь я писал про дружбу. Дружба строится на честности, а, по вашим словам, чтобы подружиться с человеком, нужно ему подражать, – спокойно рассудил Постоялец.

– Кажется, я понимаю. Значит ли это, что я не могу сказать «мне надо работать» или «мне надо погулять с собакой»?

– Я скажу тебе, в чем смысл слова «надо» – в восприятии его человеком. Если ты хочешь стать заложником собственного сознания, говори «надо». Если хочешь быть свободным и сам принимать решения, говори «хочу».

– Кажется, я и вправду понял. Это ведь то же самое, что и следить за словами, которые произносишь, – сказал юноша.

– Похоже, что это так.

– Вы сказали, что дружба строится на честности, – начал вопрос юноша.

– Да, – коротко сказал Постоялец.

– Но только лишь на честности?

– Я знаю, что не только. Скажи, у тебя есть друзья? Можешь не отвечать на этот вопрос, лучше скажи, ты знаешь, что такое дружба?

– Дружба – это доверие.

– Интересно, что мы оба определили дружбу только лишь

одним словом, – улыбнулся Постоялец, – знаешь, история, которую я начал рассказывать, не поможет понять, есть ли у тебя цель, но она прояснит кое-что о дружбе, – немного погодя сказал Постоялец. – Я тебе расскажу, чем она закончилась.

Часть 7

Они стояли на середине моста. Облокотились на перила и смотрели на реку. Солнце уже село за горизонт. Пришло время луны. Ее свет хотя и был тусклее, но была в нем какая-то загадочность и своя яркая черта.

Это был мост в новую жизнь. Перейдя его, человек обретает свободу. Так думали друзья. Экхарт отошел от края моста. Лютер отвел взгляд от реки и посмотрел на него. Их лица освещал синеватый свет луны. Но лицо Лютера имело слегка серебряный оттенок из-за отражения света от его медальона. Они посмотрели друг на друга и перешли мост.

Когда товарищи пересекли мост, они открыли карту, ловко прихваченную из магазина, и посмотрели, куда они могут направиться. Карта была местной. По этой причине на ней был виден сам город Нарва и его ближайшие окрестности. А именно, Восток карты занимал Ивангород, далее карта заканчивалась. Они решили осмотреться и найти в городе убежище на ночь. Гостиница находилась около дороги, проходящей через город, что сильно упростило поиски ночлега. Друзья сняли комнату на ночь. Хозяин не понял, что они говорят, но, к счастью, его дочь часто бывала «за мостом» и перевела все их слова отцу. Вопрос с пересчетом денеслухг также решала она. Друзья поднялись на свой этаж, зашли в

комнату и легли на кровати прямо в одежде.

– Ну что, завтра начинаем новую жизнь? – спросил Лютер, растягиваясь на кровати.

– Это точно, – сказал Экхарт, – так устал, что прямо сейчас готов уснуть.

– Спокойной ночи.

– И тебе, – зевая, отозвался Экхарт.

Наступила тихая и, пожалуй, самая спокойная ночь за последние дни. Лунный свет мягко освещал комнату, просачиваясь через занавеску. Экхарт во сне отвернулся от окна и накрылся своей курткой. Лютер уже спал.

На утро друзья попрощались с хозяевами и двинулись в путь. Но прежде они спросили у дочки хозяина гостиницы, куда им пойти, где бы они смогли найти новые возможности, как с их слов поняла девушка. Она ответила, что дорога им в Ленинград, показала путь на карте и собрала им небольшой походный мешок с запасами. Взамен она получила благодарность, большего она не попросила.

Товарищи отправились в путешествие. Так прошло два года. Друзья прошли немалый путь. Его сложно показать даже на карте, настолько извилистым он оказался. Они жили в деревнях, радовались жизни, кочевали с места на место, иногда спрашивая дорогу у местных жителей. Пройдя полпути, ни Экхарт, ни Лютер уже толком не понимали, зачем они идут в Ленинград. Они не ждали от него того, что давала

им эта новая жизнь. Они не хотели расставаться с ней так скоро, оттого и вовсе перестали обсуждать город, в который их направила дочь владельца гостиницы.

Распорядок дня у них был разнообразный. Утром они рыбачили или охотились за мелкой дичью. Днем кололи дрова или делали работу, которую находили в деревне, в основном за ночлег и еду. Все дела они выполняли вместе и к тому же, очень слаженно и ловко. Отчего в округе быстро разлетелся слух о двух хороших работниках, и их все чаще просили оказать помощь.

Дружба товарищей сильно окрепла за время их путешествия, теперь они вверяли друг-другу свои собственные жизни. Конечно, в таких спокойных местах, где они побывали, жизни мало что угрожает, разве что случайно отскочившая щепка при колке дров. Однако друзья понимали, что вместе они сильнее как духом, так и телом, а без доверия друг-другу их слаженная работа не вышла бы хорошо. Вечером они гуляли. Обычно по отдельности. Лютер ходил к реке, а Экхарт в поле. Оба находили в этих местах что-то особенное, что манило их туда. Возможно, это было уединение с природой, которого так не хватает человеку, прожившему всю свою жизнь в городе. А может, они находили в этих местах уединение с собой. Лютер поначалу не видел ничего необычного в местных пейзажах, но вскоре проникся тем, как их описывал Экхарт. Он понял, что в таких местах важно то, как ты себя чувствуешь, какие испытываешь эмоции и на что

вдохновляет красота, которую впитываешь глазами и душой.

Переходя из деревни в деревню, друзья изрядно нахватались русских слов и теперь без труда могли общаться с деревенскими жителями на различные житейские темы. Поначалу он давался им тяжело, так что приходилось отмахиваться парой фраз или использовать понятные всем жесты. Однако, вскоре они поняли, что чтобы что-то выучить, надо, наконец, начать это делать. Они тренировались и достигли определенных успехов. Лютер даже пообещал выучить еще один язык, но еще не придумал, какой. Конечно, их русская речь не звучала чисто, но была понятной русскому человеку. Они слышали множество историй и новостей, которые им поведали жителей деревень, но самой страшной стала весть о войне.

Это случилось 10 сентября 1941 года, когда товарищи оказались в одном дне ходьбы от Ленинграда. В этот день они, по обыкновению, узнавали новости у старосты деревни или поселка. Им оказался пожилой мужчина с длинной седой бородой. Он выглядел не совсем по-деревенски, выяснилось, что в их деревне располагались магазины, в том числе одежды, в которых одевались и закупались даже городские. Товарищи постучали в дверь. Дверь отворилась. Староста с безрадостным лицом посмотрел на веселые лица друзей и помрачнел еще больше. Они вошли и втроем расселись на стульях. Староста сел напротив них.

– Война. 8 сентября началась, – вздохнул он.

– Как 8 сентября? Этого года? – спросил Экхарт.

– Ну конечно, начнись она год назад, может, этой деревни бы уже и не было, – садясь на стул, сказал староста.

– Значит, уже два дня... Известно что-то еще, куда направляются враги? – спросил Лютер.

– Враги? А вы сами-то кто? Вы уж меня простите, но на русских вы точно не похожи, а коли так, то и рады вам будут здесь только по русскому паспорту, – спокойно сказал дедушка.

– Вы нас раньше времени не судите. Лучше скажите, есть ли такое место, где бы можно избежать войны? – вновь вступил в разговор Экхарт.

– Что с вами поделаешь... Говорят, нападут скоро, пройдут через все наши поселения, чтобы добраться до городов. А места тихого вам не сыскать, это я по себе знаю. Первую мировую войну прошел. Вот что я вам скажу: если вы не пойдете на войну, то она сама к вам придет, – закончил староста, поднялся со стула и вышел из дома.

Экхарт и Лютер переглянулись и тоже вышли на улицу.

– Значит, спокойной жизни нам не видать? – спросил Экхарт, явно не ожидая ответа.

– Не видать. Но все же, нам нужно дойти до Ленинграда. Пока там все тихо, может сумеем обосноваться, – ответил Лютер.

– Ну что ж, пошли.

Через полдня друзья пришли в Ленинград. Он показался им шумным и суматошным. Жители куда-то спешили, транспорт ездил быстро, даже облака, казалось, летели с быстротой им не свойственной. Хотя, пожалуй, это были не облака, а дым, идущий из труб заводов. Сразу стало ясно, что город принимает военное положение. По улицам дежурили отряды солдат. Экхарт и Лютер отправились на поиски ночлега. Они прошли мимо марширующего отряда и миновали их. Как только солдаты оказались позади, командир отряда остановился и крикнул:

– Стоять! Смирно! Эй, вы двое, почему не на службе?

Товарищи обернулись.

– Мы? – спросил Экхарт, слегка подняв брови.

Солдат это заметил.

– Вы. Вот повестка, подойдете к дежурному на пост, скажете, новобранцы, – отчеканил командир отряда, протягивая листок Экхарту.

Сначала друзья решили было уйти из города, но немного прогулявшись и осмотревшись, поняли, что они буквально окружены солдатами. Они были на каждом углу, в каждом переулке. Спрятаться можно было разве что под землей. Хотя это не стало бы проблемой для таких умелых и проворных людей, как Лютер и Экхарт, но снова скитаться в поисках себя им не хотелось. Они пошли в штаб с повесткой сами. Их принял высокий солдат с большими усами. Он спросил у новобранцев паспорт. Получив желаемое, он разглядел

сначала его, а после лица пришедших. Тут они поняли, что, хотя и прельстились к русскому языку и даже культуре, но русскими это все же их не делало. Солдат спросил:

– Против кого воевать будете?

– Против врага, – уверенно ответил Экхарт.

Солдат помолчал и вскоре снова спросил:

– Наш враг – Германия. Пойдете против своей родины?

В разговор вступил Лютер:

– Для нас родина – та страна, где нам лучше. Россия дала нам возможность стать теми, кем мы хотим. Она стала тем местом, которое кормило нас не для того, чтобы мы были солдатами и завоевывали новые земли, но, чтобы дать нам сил защитить ее и наши собственные интересы. И если кто-то хочет отнять то, что дает нам это место, то он – враг.

Солдат осмотрел новобранцев сверху вниз, вздохнул и, отдавая им паспорта, сказал:

– Проходите по коридору, там стоит Артем, он даст следующие указания.

Артем оказался приятным человеком. Он поступил на службу совсем недавно, но успел освоиться и теперь занимался направлением новобранцев на службу. Они немного разговорились и узнали друг друга получше. Артем проникся историей Экхарта и Лютера, поэтому выбрал для них место службы более тихое и спокойное, чем для остальных. Он сказал:

– В армии всем нужны друзья. Я стану вашим первым то-

варищем.

Он пожал им руки, и они на время простились. Только спустя неделю в поезде все трое встретились и узнали, что едут служить в одно и то же место. Несомненно, это было дело рук Артема.

Так Экхарт и Лютер попали в русскую армию.

Часть 8

Сирена все не умолкала. Однако паники в строю не было. Солдат тренировали именно к таким ситуациям. Командующий взводом быстро прошелся вдоль линии солдат, построенных по его приказу. Он высматривал в их лицах страх, но увидел только решимость. Он встал на свое место и воодушевленно скомандовал:

– Взвод! Сейчас вы переходите под командование генерала Васнецова. Следуйте за ним до конца!

– Есть! – вскричали солдаты.

– Мне также нужны пять добровольцев, – сказал командир взвода.

– Мы пойдем! – крикнули двое из строя.

– Я пойду! – прокричал солдат, находящийся сбоку от Экхарта.

После этого он слегка вызывающе посмотрел на двух друзей, и вернул свою голову в исходное положение. Это был Артем. Они втроем, с Лютером и Экхартом часто играли в карты. Их дружба сильно окрепла за все время пребывания в армии. Не было вечера, который они провели бы не за разговорами о житейских проблемах и о смысле их жизни на войне и на воле.

– Мы идем! – крикнул Экхарт громче своего соседа.

– Отлично. Вы пятеро за мной. Остальным исполнять

приказ, – сказал командир.

– Есть!

Солдаты побежали в соседнюю роту докладывать о своем прибытии. Пятеро избранных солдат подошли к командиру.

– Слушать внимательно. Ситуация такова: вот западно-восточная часть леса, – командир сделал пометку пальцем на карте, – поступила информация, что группа вражеских солдат занимает там позицию. Ваша задача: добратся до леса целыми, узнать, сколько врагов и вернуться сюда, найти командира и доложить. Целыми, – он особенно выделил это слово. – Все ясно?

– Так точно!

– Тогда приступайте.

Пятеро солдат побежали по дороге, едва протиснувшись через стоящую на ней технику и вскоре свернули в лес. Лагерь русских находился неподалеку от деревни, поэтому лесистая местность в ближайшей окрестности была особенно обширной. Было решено занять позицию именно в лесу. Спустя двадцать минут группа из трех солдат, Экхарта и Лютера оказалась недалеко от точки, указанной командиром. Солдаты осмотрелись, заняли укрытия у деревьев и стали наблюдать. Вскоре они заметили одного немца, беззаботно шагающего к небольшой, но просторной опушке, вид на которую удачно открывался из укрытий солдат.

– Убьем его? – сказал один из группы.

– Командир сказал узнать, сколько их и доложить количе-

ство, но не убивать, – ответили ему.

– Да, да. И вернуться целыми, я помню. Но разве можем мы, имея возможность, не убить того, кто убивал наших друзей, и скорее всего, убьет еще больше! – не унимался первый.

– Тише, мы вернемся за ними, – сказал Артем.

Первый хотел было встать, но своими неловкими движениями задел сухую ветку дерева, которое служило ему укрытием. Она незамедлительно обломилась, громко хрустнув, и упала в куст-укрытие его товарища.

– Wer ist hier? – крикнул немец, доставая оружие и вдруг заорал, – Feinde! Feinde!

– Что он сказал? – быстро спросил первый.

– Наше укрытие раскрыли! – ответил Лютер.

Послышался щелчок затвора автомата. Немец встал за дерево и с криком принялся расстреливать место, из которого донесся шум. Сучья и кора полетели во все стороны. Трое солдат легли на землю. Все, кроме первого и Экхарта. Они придумали новый план и обошли немца со стороны. Прозвенело два выстрела. Оба были точны. Немец припал к дереву спиной и сполз, оставив на коре кровавый след. Трое оставшихся осторожно выглянули и осторожно встали на ноги. Они переглянулись и стали радоваться, что немец оказался всего один. Но Экхарт уже догадался, что немец был приманкой. Не успел он крикнуть товарищам, чтобы они затихли, как из-за поваленных деревьев выехал немецкий танк и тут же выстрелил в самую заметную цель – по трем солдатам,

не замечавших уже ничего. Эххарт закричал, но его никто не услышал, даже он сам. Стало слышно, как упали два дерева. Над местом выстрела возникла дымовая завеса из сучьев, щепок и иголок ели. Послышался едва различимый голос Лютера. Эххарт тут же метнулся к одному из упавших деревьев, но никого там не нашел. Эххарт увидел Артема, тихо лежащего у дерева, но, кажется, все еще дышащего. От третьего солдата ничего не осталось. Снаряд пролетел через него в дерево. Эххарт перепрыгнул упавший ствол и обнаружил под вторым своего друга. Лютер лежал неподвижно, придавленный деревом поперек тела. Тут он открыл глаза и увидел сучок. На нем висел его медальон с волком.

– Не волк, но живу среди волков, – тихо сказал он.

– Что? – сказал Эххарт, держа друга за руку.

– Эххарт, мы не русские, но жили среди них. Наше место не здесь. Теперь я это понял, – сказал Лютер.

После этого он пару раз кашлянул и закрыл глаза. Навсегда.

– Нет, – сквозь слезы сказал Эххарт, – этого не может быть, только не так.

Эххарт заплакал. Впервые за долгое время. Он все время думал, что нет в мире вещи, которая может вызвать у него настолько сильный всплеск эмоций. Но этой вещью оказалась дружба. Он понял, что его эмоции вырвались наружу. Он понял, что любит своего друга. Любил. Что их дружба была такой, о которой говорят «навсегда». Но теперь уже нет.

Он вскочил и бросился к танку. Оставшийся в его группе солдат поступил точно также. Танк уже поворачивался в обратном направлении. Они запрыгнули на него, вскрыли крышку и посмотрели друг на друга. Они кивнули. Каждый сорвал гранату со своего пояса, выдернул чеку, и бросил внутрь танка. Послышался глухой взрыв и звонкий крик немцев. Двое солдат уже были далеко. Они бежали со всех ног, предполагая, что в этом месте появится куда больший отряд немцев. Экхарт нес еле живого Артема на плечах. Он не успел забрать ни одной вещи, которая могла бы напомнить ему о его друге, Лютере.

Немцы не отступали и вскоре окружили Ленинград. Но русские его отбили. Не только они, еще Экхарт и многие другие народы, о которых мало упоминается в этой бойне. Когда война кончилась, Экхарт обнаружил, что потерял свои часы где-то на многокилометровой территории, на которой он и другие солдаты воевали. Кто-то за семью, кто-то за себя, а Экхарт даже не знал, за что он бился. Он убеждал себя, что сражался за лучшую жизнь. Все это время они с Лютером мечтали о спокойствии без войны и насилия, представляли себя обычными мирными жителями в тихой деревушке. А теперь... Теперь он остался один. Но это не сломило Экхарта, он знал, что его жизнь только начинается. Война позволила Экхарту понять, что такое дружба, но она же и забрала ее у него. Он может полагаться только на себя, но у него еще много сил, чтобы найти людей, которые откроют в нем

другие чувства.

Часть 9

– Невероятная история! – полушепотом сказал юноша, – Похоже, что я счастливчик, раз услышал ее от самого главного героя.

Он уже догадывался, что рядом с ним сидит не кто иной, как сам Экхарт.

– Как тебе угодно. Однако эту историю, к сожалению, можно только услышать. И ты первый, кто ее дослушал до самого конца, так что, возможно, ты прав.

– Так значит, вы хотите ее написать в очередной книге?

– Я не пишу очередной книги, как ты выразился. Да и историю эту писать не буду.

Юноша с огоньком посмотрел на постояльца. Он все понял и сразу же сказал:

– Конечно нет. Я не разрешу тебе ее написать в вашей газете, даже если ты заявишь автором меня.

Взгляд молодого человека слегка погас, но его огорченное лицо быстро налилось новыми красками.

– Скажите, вы Экхарт?

– Это моя история, – сказал Постоялец, улыбнувшись, – Да, меня зовут Экхарт.

– Рад с вами, наконец, познакомиться! Меня зовут Григорий. – журналист протянул руку в знак нового знакомства.

Рука была ровно над веточкой. Оба собеседника это заме-

тили. Экхарт пожал протянутую ему ладонь. Их сжатые руки опустились вниз, коснулись веточки и столкнули ее на землю. Почти сразу же ее подхватил ветер и унес вдоль дороги. Григорий проводил ее взглядом до того момента, пока она совсем не скрылась из виду.

– Вы сказали, что любили своего друга, – начал Григорий.

– Да, – немного погодя сказал Экхарт. Но, увидев неловкость в лице своего собеседника, он тут же продолжил, – ты не знаешь, что такое любовь, верно?

Экхарт улыбнулся.

– Знаю, но...

– Но твое понятие любви ограничено любовью между мужчиной и женщиной, – закончил Экхарт.

– А разве есть другое понятие? – спросил Григорий.

– Понимаешь, в нашем мире существуют слова, значение которых было задано очень давно. Так вот, слово любовь означает вовсе не привязанность мужчины к женщине или наоборот. Любовь – это сильное стремление быть с другим человеком, – сказал Экхарт.

– Ну да, – согласился Григорий, – мне кажется, я не задумывался об этом. Но что вы имели в виду своей первой фразой? Ведь любовь наверняка очень гибкое понятие.

– То, что незачем менять спустя годы смысл тех слов, о которых мы сейчас и в течение всей жизни задумываемся. Их значение рассудили задолго до нашего с тобой рождения. Неужели можно взять и изменить смысл, ради которого жи-

ли люди до нас.

– Я думаю, сейчас понятия не изменяют, а упускают в них некоторые детали или даже корректируют под себя, – сказал Григорий.

– Да, наверное, так и есть, – согласился Экхарт.

– Думаете, это проблема?

– Из-за этого теряется истинный смысл многих слов. Людям, ищущим его, становится все труднее. Спустя какое-то время может быть забыто, что те или иные слова значат на самом деле. И, чувствую, жизнь от этого не станет менее спокойной. Может люди так поступят от неведения, а может, потому что решимость потеряет свой смысл вместе со своим понятием, – задумался Экхарт.

– Из ваших слов, не значит ли, что у любви есть несколько условных типов: Любовь в дружбе, к женщине, к мужчине?

– Наверное, – слегка неуверенно ответил Экхарт.

– Я вижу, вы задумались, когда я назвал второй тип любви, – хитро улыбнулся Григорий.

– А ты, видно, ждешь еще одну историю, – улыбнулся в ответ Экхарт.

– Для начала скажите, есть ли она в вашей книге?

– Нет, – сказал Экхарт, нащупав книгу во внутреннем кармане своего кардигана.

– А какая история есть в вашей книге? – спросил Григорий.

– Точно не одна из моей жизни, – уверенно ответил Эк-

харт.

– А из чьей жизни истории в этой книге?

– В моей книге всего одна история, но чья она, я расскажу тебе позже.

– Почему? – не унимался с вопросами Григорий.

– Ты все узнаешь, но не сейчас. Я предлагаю такой уговор: количество твоих вопросов сводится к одному, а я тебе рассказываю, о чем моя книга.

– А в чем здесь подвох?

– Если согласишься, я скажу, – с улыбкой сказал Экхарт.

– Ну ладно, согласен, – с предвкушением сказал Григорий.

– История моей книги начинается с истории моей личной жизни, – начал Экхарт.

– Ааа, ну теперь-то все ясно, – с хитрой ухмылкой сказал Григорий. – Ну что ж, думаю, я уложусь в один вопрос: с чего все началось и чем закончилось?

– Я расскажу, но сперва, – сказал Экхарт, вставая со скамьи, – прогуляемся до того ларька с едой? – он показал на лавочку, где продавалась выпечка. – Мой аппетит не на шутку разгулялся от этого разговора.

– А вы правы. Я тоже не прочь перекусить, – весело отозвался Григорий.

Он тоже встал, и они направились утолять свой аппетит. Лавочка находилась вне парка, но видна была издали, ведь располагалась прямо у входа. В это время солнце уже уве-

ренно стояло в зените. На улице изрядно прибавилось людей. Хотя это и был выходной, но частенько встречались прохожие в деловых костюмах и с чемоданами. Казалось, они вечно куда-то торопятся.

У ларька стояла небольшая очередь: старушка с котом на поводке, молодой парень и полноватая женщина лет пятидесяти, завершающая ряд. Собеседники встали за женщиной.

Часть 10

Мне был двадцать один год, когда я оказался в Ленинграде. Война прошла, а я был один. Но даже перед знакомством с Лютером я не был настолько одинок. В шестнадцать лет я еще учился в школе. Тогда многие мои сверстники и друзья были в поисках пассивности, которая могла бы сгладить их скучное времяпровождение в учебном заведении и вне его. Я же искал знаний. Сейчас я понимаю, что зря искал то, чего в школе нет и не было. Конечно, школа дала понять мне, как учиться, но сами знания я и другие ученики добывали усердным трудом дома или в библиотеках. Но все же, я поддался на разговоры одноклассников о девушках. Честно сказать, тогда меня влекла моя физиология, что было вызвано взрослением. Я не видел духовной составляющей в любви, лишь внешнюю оболочку, выражающуюся в красоте девушек.

Так как я увлекался математикой, то и склад моего ума был завязан на мнении, что все в мире имеет смысл и должно быть доказано. А вокруг любви было настолько много споров, что никто даже не знал, чувство это или особенная формула нашего мозга. Тогда я начал искать ответ. Лучшим способом найти его, я счел практику. То есть, я решил начать отношения с девушкой. Первой ошибкой стало то, что нашел я ее по анкете.

Это был самый простой способ, ведь мне буквально пода-

ли готовое блюдо. Осталось только разогреть. Поэтому я позвонил по указанному в анкете номеру, и мы договорились встретиться. Была зима. Я, обычно уверенно державшийся у доски над сложным примером, в тот день боязливо шел рядом с ней, стесняясь сказать что-то такое, что могло бы представить меня как скучного или занудного. Разумеется, как я выяснил после, таким я ей и казался. Но об этом позже. Она не была намного увереннее меня в отношениях, но, хотя мне тогда было сложно рассуждать, я понимал, что она стесняется не меньше. Сейчас я понимаю, что тогда она выбирала сразу между несколькими людьми. Не знаю, почему, но она выбрала меня, хотя и не сразу. Я часто слышал от нее про других, но не испытывал при этом никаких эмоций. Меня совсем это не задевало.

Вскоре я понял, что она очень негативно относится к моим разговорам о других девушках. Это было для меня новшеством, требующем даже большего внимания, чем вопрос любви. Тогда я задумался, верно ли я верил в то, что если один человек сделал плохо другому, то и другой может сделать ему плохо. И также я думал о добре. Можно подумать, что, когда начинаешь разбираться в вопросе любви, понимаешь множество других вещей, понимаешь людей и значение их поступков.

Это были первые и очень длинные для шестнадцатилетнего меня отношения. Не знаю, почему они так долго продолжились. Хотя я и не планировал этого, но так случилось.

Вскоре я понял, что совсем не имел понятия о том, как общаться с девушками и с людьми в целом. Мы много говорили, но сейчас я не могу вспомнить ни единой ее фразы или слова, кроме одного нашего разговора, последнего разговора. Мы виделись не чаще, чем раз в неделю. Мне казалось, что этого было достаточно, но, видимо, только мне. После того как я решил измениться и, наконец, осознав, какая на мне лежит ответственность, я начал читать и спрашивать о том, как правильно общаться с девушками.

Конечно, я верил, что существует единственный правильный ответ, но их оказалось настолько много, что я решил: к каждому человеку нужен определенный подход. Вскоре после того, как я это понял и начал применять этот метод на практике, она уехала от меня. Вскоре состоялся наш последний разговор, который я упомянул раньше. Смешно это говорить, но он состоял из трех слов: «Хочу побыть одна».

Должен сказать, что это все-таки был не последний разговор. Окончательный состоялся чуть позже. Тогда я вспомнил свое заключение о подходе к людям и решил не оставлять историю незаконченной. Я сказал те слова, которые, по моему мнению, должны были выдать меня за легкомысленного или даже глупого до понимания сложившейся ситуации человека. Я хотел, чтобы я остался таким для нее. Ведь, хотя ей, наверняка, приносило удовольствие читать и слушать мои жалобные обвинения, но я надеюсь, что сквозь это мнимое наслаждение она, спустя годы, увидит в моих словах ис-

тинный смысл. Он заключается не в мести, не в обиде и даже не в жалости. Он состоит в благодарности за то, что она смогла, хотя и таким варварским методом, вывести меня из тумана детства. Так я назвал состояние непонимания окружающих меня вещей. У меня оно продлилось дольше, чем должно, как мне кажется сейчас. Это можно назвать неосознанностью бытия. Так или иначе, наши отношения закончились.

Позже я понял, что меня влекла ее внешность.

– Как же, внешность! Только она вас, мужчин, и привлекает в нас, – сказала женщина, уплетая пирожок.

– Несомненно, ведь если не внешность, то что? – спросил Экхарт, смотря, как готовится его будущий перекус.

– Душа. Вот у меня, – начала женщина, как вдруг кусочек пирога выпал изо рта, она неловко его подхватила и отправила обратно, – душа большая, а вы ее даже не замечаете.

Говоря «вы», она имеет в виду всех мужчин. Она выглядела слегка властно. В ее глазах отражались слабые зачатки злобы, но Экхарт видел в них обиду и грусть. Он любил играть с такими людьми, идя у них на поводу. Ведь всегда интересно, что думает человек, знающий только свое мнение. У большинства людей мышление завязано таким образом, что та далекая мысль, которую они начали преследовать, имеет начало лишь в единственном месте, но и заканчивается в нем же. Мышление Экхарта имеет корень в его сознании, но

постоянно ветвится. Он не преследует единственное мнение слишком долго. Он собирает как можно больше мыслей таких одиночек, как женщина с пирожком, берет из них самое важное и, в итоге, формирует свое собственное мышление, которое, как ему самому кажется, все еще нуждается в доработке, но выглядит уже сформировавшимся.

– Вы говорите про душу. Но что такое душа? – спросил Экхарт.

Все это время Григорий оживленно наблюдал за развитием диалога. Он увидел, что женщина перешла на тему, которая, вероятно ей ближе. Мысли о внутреннем мире лучше всего показывают духовную сущность человека. Также Григорий отметил, что писатель очень ловко задал вопрос, ответ на который не дашь быстро, если раньше об этом не думал. А этот ответ может сказать многое о собеседнике.

– Душа это мой внутренний мир, – быстро ответила женщина.

– А что же тогда внутренний мир? – наступал Экхарт.

– Это я.

– То есть, душа у вас большая, а душа – это мир, а мир – это вы. Получается, вы большая, – заключил Григорий с иронично-серьезным лицом.

– Хам, – ответила женщина, доставая второй пирог.

Экхарт в это время получил заказанное ими угощение, но не торопился к нему приступать.

– Значит, вы делите человека на его внешнюю и внутрен-

нюю составляющую? – спросил он.

– Да, а вы иначе? – женщина принялась за вторую часть своего обеда.

– Могу только сказать, что внешняя часть человека может кое-что сказать о внутренней.

– А что тогда моя говорит обо мне? – спросила женщина с интересом, с которым обычно приходят к гадалке.

Экхарт посмотрел на Григория. Через секунду перевел взгляд на их общего собеседника.

– Не мне судить вашу внешность. Это может сделать лишь тот, кто узнал вашу внутреннюю сущность. Говорят, внешность обманчива, но обманывает лишь внутренность. Ваша же внешность не врет и говорит мне о том, что вы несчастливы. Это все, что я могу вам сказать.

Женщина доела пирог. Видно было, что ей хотелось чем-то занять руки, отчего она долго копалась в своей сумочке. Наконец, она нашла салфетку, вытерлась ею и закрыла сумочку. Было понятно, что она думала, что сказать. Такие люди слишком горды, чтобы поверить в слова незнакомца, с которым начали подобный острый разговор.

– Вы, может, и думаете, что во внешности видите душу, но это не так, этого не видит даже сам Бог, – сказала она, повернулась и ушла.

Экхарт взглянул ей вслед. На секунду ему показалось, что у женщины из штанов вылез хвост. Он протер глаза и посмотрел на нее снова, но увидел лишь женщину, шедшую

прочь с уверенностью, что ее последняя фраза добила оппонента.

Собеседники еще смотрели ей вслед, утоляя при этом свой аппетит, но вскоре очередь стала их притеснять. Экхарт и Григорий уже закончили свой перекус и не спеша зашагали.

– Неприятная женщина, правда? – спросил журналист.

– Может и правда, – улыбнулся Экхарт.

– А что вы имели в виду, когда говорили, что внешность обманчива, но не обманывает?

– Я не так сказал, хотя ты и передал похожий смысл. На самом деле, я слегка не люблю, когда со мной затевает разговор совершенно незнакомый мне человек. Потому я решил употребить выражение, которое она наверняка знает и скорее всего верит в него. Я попытался его опровергнуть, тем самым нанеся воображаемый вербальный удар по ее устоявшейся жизненной позиции. Похоже, он оказался фатальным, – пояснил Экхарт.

– Значит в вашей фразе нет смысла? – спросил Григорий.

– На самом деле, человек сам создает свою внешность. Или по крайней мере, способен ее изменить. Никогда не знаешь, хочет ли человек, чтобы ты судил его по внешности или нет. А если он сам ее создал, то обманывает не внешность, а человек, то есть, его душа, как сказала та женщина.

Григорий недолго молчал. Обдумав слова Экхарта, он сказал:

– Понятно. Как вы думаете, есть ли «чистые» люди?

Собеседники направились вглубь парка, но не по той дорожке, по которой они шли ранее.

– Говорят, есть такой грех – первородный. Согласно ему, все потомки Адама и Евы, кроме Христа, рождаются с душой, склонной ко злу. Если верить этим словам, то «чистых» людей на земле нет, – сказал Экхарт и улыбнулся.

Григорий улыбнулся в ответ.

– Пожалуй, звучит очень религиозно. А вы верите в это? – спросил он.

– Я верю в то, что человек, совершающий грехи, портит свою душу.

– Портит? – переспросил Григорий.

– Он становится хуже, более склонным к плохим поступкам. Но что страшнее, ему становится легче их совершать, – пояснил Экхарт.

– Вы верующий человек? – спросил юноша.

Он задал вопрос, которого, казалось, оба собеседника давно ждали, но оттягивали его появление.

– Да, но не в Бога.

– Почему? – не отступал журналист.

– Понимаешь, вера в Бога не принесет мне пользы, а вот вера в себя... Однажды у нас с Лютером был похожий разговор. Я спросил у него: «Ты веришь в Бога?», на что он ответил: «Нет, я его ни разу не видел». Я снова спросил: «Ты веришь в науку?». Он ответил: «Да, наука все объясняет». Я

задал последний вопрос: «Но ты видел хоть раз космос?» – сказал Экхарт, задумавшись.

– А что он вам ответил? – с интересом спросил Григорий.

– Он промолчал. Из этой маленькой истории нет никакого вывода, только лишь интересная ситуация.

– Значит, вы верите в науку?

– Скажи, что дает человеку вера? – немного погодя ответил вопросом Экхарт.

– Скорее всего, веря во что-то, человек доверяет себя этому и ждет какой-то отдачи в будущем, может даже помощи, – сказал Григорий.

– Да, но ты можешь продвигать науку, веря в себя.

– Кажется, да, – неуверенно ответил Григорий.

– Я не верю в науку, я верю в себя. Также я верю в то, что людей, совершающих злодеяния, ждет наказание. Не от меня, конечно.

– А кто же вершит наказание? – спросил Григорий с явным интересом.

– Люди, – коротко ответил Экхарт.

Часть 11

Все еще был день. Солнце светило ярко, теплый свет освещал места парка, не накрытые сверху густой зеленой листвой. Людей стало больше, но особенно частые посетители этого места знали, где можно хорошо провести время и уединиться от внешней суеты хоть ненадолго. Вот взять молодую пару, обогнавшую Экхарта и Григория пару мгновений назад. Они явно спешили занять их любимое место на склоне, с которого можно увидеть озеро целиком. В парке частенько кормят уток. Говорят, на озере даже видели лебедей. Эти прекрасные создания посещают отнюдь не каждое водное место. Но становится проще поверить, когда узнаешь, что парк переходит в лес. А лес этот не обойдешь и за день, и за два...

– А все-таки, выходит, что люди сами себя создали? – спросил Григорий.

– Возможно. А как ты думаешь? – ответил Экхарт.

– Может, Бог всему виной.

– Выходит, он виноват, что сотворил людей?

– Выходит, что так, – ответил Григорий с лицом человека, знающего, о чем говорит, – ведь будь это он, то зачем ему создавать людей без цели?

– Да, пожалуй, цель люди находят сами. А что, если Бог хотел найти ответы, которые могут дать ему лишь люди? –

начал рассуждать Экхарт.

– То есть, наша цель в том, чтобы найти ответы для Бога? – с интересом спросил Григорий.

– Возможно, но вопросы мы ищем сами.

– Получается, что эта теория мироздания не дает точного ответа, почему мы живем, – немного погодя сказал Григорий.

– Возможно. А ты считаешь, что вариант создания мира должен объяснить причину нашей жизни? – спросил Экхарт.

– Ну а что же еще? – риторически спросил Григорий.

– А что будет, когда мы узнаем, зачем мы здесь? Люди исполнят божью волю и после случится перерождение? – спросил Экхарт.

– Похоже, что так. Это все очень сложно, ведь мы говорим о том, чего не можем знать. Это лишь рассуждения. Хотя, если честно, в детстве я думал, что существовали люди, которые нашли ответ на вопрос о том, кто создал людей. Вот только жили они после этого не более, чем секунду, – выдохнул Григорий.

– Кажется, наша теория о Боге зашла слишком далеко, – улыбнулся Экхарт, – а что насчет теории происхождения от приматов?

Григорий улыбнулся, услышав последнее слово. Он сказал:

– С ней гораздо проще. Обезьяны живут среди нас до сих пор, нет причин отклонять эту теорию.

– А что насчет слов о теории мироздания? – спросил Экхарт.

– Это каких? – озадаченно спросил журналист.

– Такая теория должна объяснить смысл нашей жизни, – переформулировал слова Григория Экхарт.

Юноша задумался, но вскоре сказал:

– Может тогда смысл в продолжении рода?

– Не так уж интересно звучит, да? – сказал Экхарт, улыбувшись.

– Пожалуй, – с сомнением улыбнулся в ответ Григорий.

Григорию показалось, что они ходят кругами. Как будто вместе с дорогой закручиваются и его мысли. Изредка они спускались по небольшой лестнице, но ему не помнилось, чтобы они поднимались вновь. Впрочем, это все только кажется, ведь голову занимали другие мысли – так подумал Григорий.

– А как тебе такая теория возникновения жизни: первых людей привезли на Землю с другой планеты? – спросил Экхарт, явно радуясь своей находчивости.

– А чем она отличается от предыдущей? Нет, в этом мире есть две теории: религиозная и биологическая.

– А что, если мы живем в мире, который находится в другом? – внезапно предположил Экхарт.

– Ну, это уже совсем фантастика! – сказал Григорий.

– Почему же? Мы словно муравьи: строим дома, заботимся о потомстве, работаем не покладая рук. Но при этом мы

редко смотрим выше самих себя. Ведь мы люди – верх эволюции, *summo cibum catenam...* – с нарастающим темпом заговорил Экхарт.

– Что?

– Вершина пищевой цепи, – пояснил Экхарт последние слова, сказанные им на латыни.

– Теперь понятно, – Григорий помедлил и затем продолжил, – знаете, а в детстве я думал об этом. Думал, как нас воспринимают другие существа, ведь их мозг устроен по-другому. Мне до сих пор обидно от мысли, что животные скорее всего принимают нас ни за кого иного, как за самих себя. Они, может, даже не знают, что мы умнее, – он выдержал небольшую паузу. – Вы, наверное, правы: в каком-то смысле они живут в своем мире, а наш мир включает в себя их среду обитания.

– Да, я именно об этом и говорю.

– Но до чего же крупны тогда масштабы удаленности нашего мира от мира-родителя? – спросил Григорий, в глазах которого засверкали огоньки интереса и воодушевления.

– Они имеют космический масштаб. Я назвал эту теорию мироздания теорией космоса, – довольно произнес Экхарт.

Собеседники остановились возле двух берез. У корня они сливались в одну, зато, идя кверху, расходились в разные стороны, образуя рогатку. Если мысленно натянуть на ней резину, то снаряд полетит не иначе, как в озеро. Именно это и представляли особенно склонные к фантазированию посе-

тители этого места.

Экхарт посмотрел на озеро через природную рогатку и тихо сказал:

– Это напоминает мне кое-что...

Григорий не расслышал его слов.

– А знаете, вы ведь так и не рассказали про остальных ваших спутниц сердца, – вдруг сказал он.

– Да, я как раз об этом.

– Кажется, вы остановились рассказывать на второй?

Я всегда любил красивые места, я к ним стремился. Потому вскоре после возвращения в Ленинград я решил продолжить поиски места, которое не тронула война. Некоторое время, а именно, полгода я жил у знакомого. Он потерял родителей, и квартира пустовала. Он пригласил меня пожить у него. По его выражению лица и голосу я понял, что он хочет занять квартиру хоть кем-то, кто заменит ему родителей, но я знал, что не смогу сделать этого. Никто не смог бы. Этим знакомым был Артем.

Все время, что я прожил в его квартире, я изучал города, которые мог бы посетить. Мой выбор пал на Выборг. Он был рядом с Ленинградом, так что я заметил его сразу. Окончательное решение обосновать могу лишь тем, что по словам правительства СССР, Выборг был из тех городов, который подлежит восстановлению в первую очередь, а также тем, что в нем попросту спокойно, мало жителей и есть за-

мок, который мне очень захотелось посетить.

Я распрощался с военным товарищем, мы обменялись любезностями и навсегда расстались. Я сел на поезд. Это был поезд в настоящую новую жизнь, но теперь только мою. По приезде я понял, что город оказался не в лучшем виде после войны. По крайней мере, на фотографиях, которые мне удалось лицезреть, Выборг был красивым и даже великим, если присмотреться. Сейчас он походил на раненого солдата, думающего лишь о том, через что он прошел, а не о своем будущем.

Но мне не было там плохо. В Выборге я получил то, чего хотел – свободу. Я был один, но это даже воодушевляло меня. Я устроился на работу кем-то вроде журналиста. Почему-то меня тянуло к этой профессии, и я давно хотел заняться писательской деятельностью. Я писал, а точнее, переписывал на свой лад заумные доклады, статьи и новости из мира науки. Мне больше нравилось познавать, чем делиться накопленными знаниями, но вскоре наше издательство обрело популярность, ведь людям хотелось отвлечься от войны, и новый уровень заработка заставил меня задуматься о перспективах личной жизни. Тогда я и познакомился с ней.

Она не имела выдающейся внешности, тем более той, что могла бы мне понравиться. Я поддался хорошим воспоминаниям о том, что было и вскоре мы начали отношения. Они продлились не очень долго. Я бы даже сказал, что относительно всей моей прожитой жизни, мимолетно.

Она жила достаточно далеко, потому мне приходилось по-долгу до нее добираться. Не уверен, что встречи приносили мне настоящее удовольствие. Мы оба говорили то, что думали, оттого наши отношения даже нам казались фальшивыми. Через три месяца после нашей первой встречи я решил, что мы расстаемся. Тогда я думал, что все дело в расстоянии, в том, что мы редко видимся, но теперь понимаю, что эти отношения не были скреплены ни одним из известных чувств, кроме равнодушия, как с моей, так и с ее стороны. Я сказал с ее стороны, потому что вскоре после нашего расставания узнал, что она влюбилась в кого-то еще, что для меня стало очередным новшеством, говорящим лишь о черноте души. Сейчас это не так.

Позже я понял, что меня влекла ее доступность.

– Все-таки, вы посетили тот замок в Выборге? – спросил Григорий, припоминая слова Экхарта.

– Нет, я в нем так и не побывал, – улыбнулся Экхарт, – увы.

– Я писал об этом замке репортаж, весьма успешный кстати говоря, – похвастался Григорий.

– Да, замок неплох, имеет несколько интересных легенд. Какое-то время я даже охотился за сверхъестественными новостями и сказками, но вскоре я решил снова переехать.

– Куда? – спросил Григорий.

Часть 12

Я решил, что после таких неудач в отношениях нужно сделать перерыв и переехать в другой город. Но в итоге, я вернулся в Ленинград. К тому времени город уже не выглядел разрушенным. А что было не отстроено, только придавало его красоте особенную черту. До переезда я все еще не мог смириться с тем, что одинок. Когда я, наконец, переехал, это чувство прошло, но ненадолго. Мне казалось, что я сбежал от этого, но ведь я бежал от себя. Я пытался отвлечься работой, но это не давало результата, не могло заполнить пустоту в моей душе. Поэтому вскоре я встретил ее. Она не имела ни привлекательной для меня фигуры, ни внешности. Но кое-что меня в ней зацепило – она была умнее предыдущих. Тогда я судил ум по образованию человека. А она имела некоторые выдающиеся успехи, поэтому тогда мне этого было достаточно, чтобы сделать вывод, что она умнее других.

Вскоре после начала наших отношений, я понял, что не питаю к ней никаких чувств. Я даже не уверен, что мы говорили слова, которые могли бы рассказать о каждом из нас хоть что-нибудь. Но если честно, тогда я мало знал даже о самом себе. Не знаю, что это было – молодость или то, что я не думал о своем месте в жизни, но я больше доверял мнению близких людей, чем своему. Наши встречи продлились недолго, меньше месяца. Она сказала, что не хочет мне ме-

шать и ушла из моей жизни, так и не дав ответа, кто я.

Позже я понял, что меня влекла ее образованность.

Я стал задумываться о том, зачем человеку нужны отношения, но я не понимал самой значимости чувств. Тогда я не думал о любви, но в близости с девушкой пытался найти что-то не менее прекрасное, может быть то же, что я испытывал наедине с собой. Однако этого я не почувствовал.

Я не смог сделать никакого вывода из своих отношений, приняв их за ненастоящие. Да и задумался, стоит ли копить в себе все знания о них, что приобрел. Ведь если каждый раз подстраиваться под человека, учитывая прошлые ошибки и не допуская их вновь, то есть ли гарантия, что не возникнет новых ошибок, с которыми ранее не сталкивался? Нужно лишь показывать настоящего себя. Неважно, каким тебя считали при прежних отношениях, главное – каким ты станешь в первый день знакомства. Все ошибки, как я их называл, вы должны преодолеть вместе. Не стоит брать слишком много на себя, ведь теперь ты не один и все, что вы переживаете должно быть вашим общим делом.

Стоит считать путь любви таким же, как и путь жизни. Проходя его, ты каждый день открываешь что-то новое. Именно это показатель прогресса, того, что ты идешь в правильном направлении. Оно приведет тебя к тому, чего ты ждешь от отношений и от того, в кого влюблен. Самое важное – честно ответить на вопрос: чего ты на самом де-

ле ждешь от отношений? И в результате пути ты получишь только то, чего желал.

Но также важно помнить и о своей второй половинке. Ведь она нуждается в том же, в чем и ты сам. И твоя задача – дать все, что позволит ей улыбаться каждый новый день, радоваться любому моменту жизни, будь он пережит с тобой или без тебя. В отношениях не может быть никакого «я», только «мы». Именно поэтому, когда что-то делаешь, стоит рассматривать не только те последствия, которые затронут тебя, но и те, что повлияют на того, в кого ты влюблен или даже на вас обоих. Но ведь не для каждого человека хочется делать что-то хорошее, запоминающееся и важное.

Тогда я задумался о том, что нужно найти своего идеального партнера, который сделает тебя счастливым. Некоторые люди считают, что «таких, как он или она миллион», но это не так. «Таких» может и много, если забыть о мнении, что каждый человек исключительно индивидуален, но все-таки не настолько, чтобы можно было выбирать. На самом деле, выбирать даже не придется, человек сам поймет, что перед ним – его настоящая любовь. А все, чем он занимался в предыдущих случаях (узнавал интересы, любимые увлечения, даже лучшее время дня для прогулки) – лишь метод подстроиться под человека, завоевать его доверие. Любимого человека никогда не сможешь узнать полностью, ведь тебе всегда хочется сделать для него что-то новое, что откроет его с другой стороны.

Что же касается поиска такого партнера – конечно, я не думал, что буду искать в прямом смысле этого слова, ведь все, что нужно человеку приходит к нему само, а иногда так тихо, что он этого даже не замечает. Чаще, конечно, замечает, но бывает, что слишком поздно...

Так я рассуждал наедине с самим собой.

Вскоре после расставания я решил, что пора отдохнуть. Я занялся работой и не думал о своих чувствах и пустоте внутри несколько месяцев. Я занялся саморазвитием и принялся за большой проект. Я готовился к его сдаче и, казалось, пустота в моей душе заполнилась работой. Я перестал чувствовать необходимость отношений. Кажется, тогда я повзрослел.

Через четыре месяца проект подходил к завершению, и я решил, что мне пора отдохнуть. Я пошел на балл. Конечно, он был не таким, как в старину или, может, в сказках, но я с детства мечтал побывать на нем. Здесь я и встретил девушку, изменившую все мое сознание и меня самого. Мы взяли друг друга за руки и начали танцевать. Я словно забылся в этот момент. Я смотрел лишь на нее и думал лишь о ней. Моему стеснению не было конца, но я старался его не показывать. Когда мы закончили, она предложила мне встречи. Я согласился. Она сказала, что танцор из меня никудышный и что хочет это исправить. Она учила меня танцевать. Каждое ее касание вызывало невероятные чувства внутри меня. Я не

знал, как их объяснить, но вскоре понял, что это любовь. Я хотел чаще видеться, но не знал, как об этом сказать. Я боялся, что она меня оттолкнет, если я буду слишком настойчив.

Спустя месяц она научила меня одному танцу. Именно он мне и запомнился, других я не знаю до сих пор. Мы танцевали и с каждым ее прикосновением, я ощущал, как моя душа наполняется приятной теплотой. Вскоре мы стали видеться вне занятий. Мы гуляли и разговаривали обо всем. Мне показалось, что я стал больше прислушиваться к людям. Я стал задумываться о таких понятиях, как дружба, любовь, доверие. Я понял, что жил неправильно и что мне пора меняться. Тогда я начал свой настоящий жизненный путь. Он должен был научить меня быть собой, должен был помочь обрести счастье. Теперь я понял, что это она научила меня быть счастливым. С ней и с самим собой.

Теперь я понял, что я счастлив.

Часть 13

– С момента первого знакомства с девушкой и по сей день я нахожусь словно в тумане. Я будто все время пребываю в своих мыслях и пытаюсь проанализировать свои поступки. Я не думаю о прошлом, но временами оно само меня догоняет и задает мне такие вопросы, на которые у меня нет ответов. А когда ответы найдены, туман рассеивается, но ненадолго. Не пройдет и недели, как меня начинает занимать новая мысль, несмотря на то, что, как мне кажется, я уже сформировавшаяся личность. Новые ответы становятся лишь дополнениями к старым, но не рассеивают туман неосознанности того, кто я такой.

– Довольно занятная у вас история... – сказал Григорий, выдержав паузу, – но я заметил, что вы не называли имен. Есть ли среди настоящих имя Наталья? – спросил он, смотря на улыбающегося Экхарта.

– Я понял, к чему ты ведешь, – сказал Экхарт, – но Наталья появилась в моей жизни гораздо позже. Мы вместе работали, как и сейчас. Она редактирует мою книгу. Ведь ты с ней познакомился там же, где и работаешь, верно?

– Да. Тогда понятно... – понизил голос Григорий, – Постойте, – вдруг воодушевленно начал он, – вы ведь сказали, что тоже были кем-то вроде журналиста?

– Все верно, – медленно проговорил Экхарт, перебирая в

голове самые необычные варианты событий.

– А где вы жили?

– В гостинице «Мельблум», кажется... Помню, тогда она была еще полуразрушена, но жить в ней разрешалось, – сказал Экхарт.

– Вот так удача! Во время командировки в Выборге я остановился именно в этой гостинице, но не просто так – чтобы посетить музей в комнате номер 66.

– Я проживал в этой комнате. Видимо, музей из нее сделали позже, – задумчиво сказал Экхарт.

– Да, но дело в том, что этот музей в вашу честь! – Григорий чуть ли не кричал от радости.

Экхарт в это время стоял, прислонившись плечом к одной из берез. Он смотрел на Григория с интересом в глазах. В этот момент он увидел в нем жизнь, как ему показалось.

– К чему я веду – я кое-что стащил из музея, – Григорий засучил рукав и выставил на показ руку с часами, – вот это.

Экхарт наклонил вперед голову и посмотрел на выставленный вперед прибор.

– Это же мои часы, – удивленно прошептал Экхарт, глядя на давно потерянную вещь, – но как они оказались в музее? Я точно помню, что потерял их на войне...

– Кажется, когда я опрашивал постояльцев гостиницы, они сказали, их принес человек, в военной форме. Он назвался вашим военным товарищем, спросил, как поживает его друг, то есть вы. Но после этого он больше не появлялся.

– Как он выглядел? – быстро спросил Экхарт.

– Они мне показывали фотографию... Кажется, у него были темноватые волосы, невысокий, темно-зеленая куртка и черные штаны или серые... Еще они сказали, что он выглядел бледным и был весь в земле.

– Ты шутишь или действительно описываешь моего умершего друга? – сказал Экхарт с серьезным лицом.

– Извините, я не знал, что он недавно умер, – рассеянно ответил Григорий.

– Он умер на войне на моих глазах. Ты описал мне Лютера, каким я видел его при первой нашей встрече.

– Постойте, вы уверены, что видели, как он умер? Это, конечно, теперь прозвучит совсем странно, но я кое-что вспомнил. В гостинице я узнал, что он остался ночевать, а как плату за ночлег вместо денег оставил медальон, который они мне показали – Григорий помолчал и вдруг продолжил, – Да! Я точно помню, что на медальоне была гравировка волка.

– Это звучит безумно. Тем человеком не мог быть Лютер...

– Еще как мог.

Экхарт резко поднял голову. Он посмотрел на Григория и увидел его скрюченную улыбающуюся гримасу. Глаза журналиста были злыми и словно горели огнем.

– Возьми-ка лучше свои часы, – сказал Григорий все шире улыбаясь.

Он снял часы с руки и двинулся к Экхарту. Тот отступил.

Но тут Григорий споткнулся о корень, торчащий из земли и полетел прямо на Экхарта. Оба упали на землю. Писатель сильно ударился, но вскоре собрался и открыл глаза. Рядом с ним лежали его часы. Задняя крышка отлетела от удара о землю. Его кулон оборвался и упал рядом с часами. Экхарт пару мгновений смотрел на эту картину, как вдруг вскочил на колени, выпятив одну ногу немного вперед и опершись на нее, резко вставил кулон широкой стороной в заднюю часть часов. Кулон встал в отверстие в часах словно ключ.

Еле заметная волна рассеялась в разные стороны от часов. Григорий замер в позе, которую он принял секунду назад. Экхарт окончательно встал на ноги и вдруг услышал мужской голос позади:

– До чего же ты смешон! Теория космоса, – сквозь смех сказал человек и засмеялся. Он продолжил только после того, как вдоволь насмеялся, – Хотя с обезьянами ты не слишком промахнулся. Те двое вышли как раз под стать им.

Экхарт резко обернулся. Он смотрел серьезным, но непонимающим взглядом на появившегося из ниоткуда человека. Ему казалось, что он пытается вспомнить что-то очень важное, но не может.

– Видел бы ты свое лицо, когда узнал, что Лютер принес твои часы в гостиницу! – человек снова засмеялся, – Бьюсь об заклад, ты даже не помнишь своего детства.

Экхарт попытался вспомнить, но безнадежно опустил руки. Незнакомец это заметил.

– Садись, – он показал рукой на возникшую позади Экхарта лавочку.

Экхарт сел. Незнакомец поступил также.

– Я расскажу тебе историю, Экхарт. Твою историю, начиная с самого детства и заканчивая первой встречей с Лютером, о который ты мне уже сам поведал, – незнакомец загадочно улыбнулся и продолжил, – она может показаться запутанной, слегка мистической и временами даже пугающей, – сказал он, медленно потеряв руки в предвкушении, после чего добавил. – Я расскажу ее так, как наблюдал сам.

Незнакомец облизнул губы и начал рассказ...

Часть 14

– Интересно, как там наш маленький человечек? – послышался из темного угла приятный мужской голос.

– Экхарт, кажется? – ответил вопросом на вопрос второй неизвестный.

– Да, да, он самый, – подтвердил первый.

– Думаешь, он уже узнал?

– Я давно о нем ничего не слышал, может, самое время его проверить... А то так мы целую вечность просидим в ожидании, – загадочно прошептал приятный голос.

– А ты, по-твоему, сколько уже тут сидишь? Впрочем, ты прав, пришло время его проведать, может, он уже превзошел наши ожидания...

– Доброе утро, – слегка улыбаясь, сказала Наталья.

– Да, конечно, доброе, – растерянно ответил Экхарт, стараясь не смотреть в глаза своей соседке по этажу.

Она закрывала дверь в свою квартиру одновременно с ним.

Сложно заметить что-то необычное в их утренних встречах. Они мало общались, а если дело доходило до беседы, то заканчивалось, как только входные двери закрывались на ключ. Несколько раз Наталья пыталась разговорить Экхарта, а однажды даже решилась намекнуть на живописный парк,

находящийся неподалеку от их общего рабочего места, но Экхарт обычно ограничивался следующими словами: «У меня нет времени, я работаю». Можно подумать, что он боится заговорить именно с ней. Они работают вместе уже год. Но Экхарт решил, что это никак не влияет на их отношения. По моим наблюдениям, Экхарт говорит эту фразу каждый раз, когда хороший человек считает нужным начать с ним разговор, тема которого имеет немного более личный характер, чем вопрос о том, который сейчас час.

В детстве Экхарт любил считать все, что только попадалось под руку – игрушки, карандаши, а когда повзрослел, перешел на деньги – он просил денег у отца, чтобы просто их посчитать. Поначалу, родителям Экхарт это казалось весьма странным – такая увлеченность деньгами в столь раннем возрасте, но со временем они привыкли и уже к четырнадцати годам Экхарт вел семейный бюджет, планируя расходы, которые сам никогда не совершал. Само собой, Экхарт еще тогда наивно решил, что его призвание – считать деньги и рассчитывать наиболее практичные варианты расходования бюджета.

В то же время своей юности, в четырнадцать лет, он, ровно в 11:34 (ведь уроки в среду начинались позже, чем в другие дни) находился в трамвае. Экхарт жил в небольшом городе с довольно длинным названием Лимбург-ан-дер-Лан. Ближайшая школа находилась в соседнем городе, поэтому мальчик добирался сначала на трамвае до вокзала, а после

на поезде до города. Вскоре, а именно в 11:35, Экхарт встретил одного человека, который повлиял на выбор его будущей профессии больше всего.

Это был человек высокий, на вид лет тридцати. У него были выразительные глаза ярко-зеленого цвета, может быть, даже изумрудного. Нос выглядел довольно длинным и будто бы, заостренным, но так казалось только на первый взгляд. Особое внимание привлекали усики на манер итальянских, слегка закругленных, которые едва ли касались бороды, очень аккуратно подстриженной, имеющей среднюю длину и будто бы тоже немного заостренной на конце. Прическа, однако же, маленькому Экхарту не запомнилась. Но помнится ему, что волосы также были черными. Человек носил черные очки, будто бы защищавшие его глаза от солнца, которое этой зимой совсем не щедрилось на яркие лучи. Было понятно, что очки – это лишь часть его имиджа. Имидж, кстати говоря, заключался в строгом деловом костюме с малахитовыми запонками на рукавах пиджака, зеленой рубашке и черных брюках, выглядевших так, словно их гладили буквально только что. На груди красовался галстук, на вид совершенно обычный, только лишь большая английская буква “D”, расположенная по центру галстука придавала какой-то оригинальности. Скорее всего, это была первая буква фирмы, выпускавшей аксессуар.

Мужчина сидел у окна, наблюдая за тем, как бабушка спешит в трамвай. Как только Экхарт зашел, незнакомец обра-

тил на него внимание – долю секунды смотрел прямо в глаза Экхарту, будто бы пытаясь прочесть мысли, после чего снова стал многозначительно смотреть в окно. Экхарт огляделся на предмет свободных мест, и тут же удивился – свободным было только место возле этого самого мужчины. Хотя трамвай поначалу казался практически пустым, Экхарт решил, что это просто его невнимательность и смело сел на единственное свободное место. Как только это произошло, сбоку от него послышался приятный мужской голос:

– Я очень рад, что ты выбрал именно это место.

Сам не зная почему, Экхарт почувствовал небольшой холодок, пробежавший по его коже после этих слов. Руки вспотели, голова закружилась в такт покачиваниям трамвая, и Экхарт медленно стал падать в проход между сиденьями. Крепкая мужская рука вовремя схватила его и вернула мальчика в исходное положение.

– Ты в порядке, Экхарт? – сказал мужчина, смотря уже на бледного, но постепенно вновь розовеющего мальчика.

– Да, – достаточно твердо сказал Экхарт, стараясь не выдать своего истинного состояния, – но откуда вам известно мое имя? – немного опомнившись, спросил Экхарт, и стал медленно опускать правую ногу, готовясь рвануть от странного незнакомца при первой же возможности.

– Ну что же ты, Экхарт? У тебя на пиджаке висит бейдж: “Дежурный класс Экхарт Дейс”.

С некоторой опаской Экхарт взглянул на свою грудь и

действительно обнаружил там бейдж с озвученной незнакомец надписью.

– Но я точно помню, что сегодня дежурит не мой класс, я точно помню, что ...

Не успел он договорить, как его перебили:

– Ваш учитель оговорился, сегодня дежурит ваш класс... – с видным раздражением в голосе сказал незнакомец и, выдержав небольшую паузу, добавил, – а ты знал, Экхарт, что стоит мне только взглянуть на человека, так я сразу узнаю, кем он станет в будущем?

– Ха, да вы врете, дядя, – неожиданно для себя, весело сказал Экхарт.

– Вот как, значит... Ты, например, станешь бухгалтером.

– Это почему? – уже не так уверенно ответил мальчик.

– А потому, Экхарт, что у тебя особый интерес к деньгам.

Тут Экхарта вновь охватила паника: «Откуда он знает про то, что я люблю считать деньги?» – подумал он, создавая из сиденья опору для резкого толчка. «Сейчас будет остановка, оттолкнусь и вылечу на улицу, там двери и закроются, и я больше никогда не увижу этого странного человека» – подумал Экхарт, готовясь к рывку, словно бегун, собравшийся преодолеть невообразимую доселе дистанцию.

– Неужели ты забыл про монету в твоей руке? – улыбаясь, сказал незнакомец, – ты ее вертишь с того самого момента, как зашел в трамвай, а сейчас так сильно сжал ее, что, небось, руке то твоей совсем не сладко приходится?

Экхарт разжал правую руку и увидел в ней монету. Он получил ее в подарок на четырнадцатый день рождения. Экхарт считал ее счастливой и всюду носил с собой. Хотя мальчику стало трудно верить во все происходящее, но он вдруг вспомнил, как в школе одноклассники уже делали ему похожее замечание, когда он стоял у доски. Из-за волнения он засовывал руку в карман, а там нащупывал свою счастливую монетку и, совсем про нее забывая, доставал из кармана. Бывало даже, что вместо мела по доске провозилась монета, но это было всего пару раз и лишь когда Экхарт сильно нервничал.

– Вот что, Экхарт, держи, – незнакомец протянул мальчику круглые позолоченные часы с кожаным ремешком.

Глаза Экхарта загорелись, но он, все еще глядя на часы, сказал:

– Простите, но я не могу этого принять.

– Посмотри, во что превращается мир, Экхарт, неужели ты все это так оставишь? – сказал незнакомец, указывая пальцем в окно у соседних сидений.

Экхарт посмотрел в окно, но ничего необычного там не заметил, а когда обернулся, незнакомца уже не было. Он исчез вместе с счастливой монетой мальчика. На соседнем месте теперь сидела бабушка, вопросительно смотревшая на него:

– Ну и чего ты мне показываешь? Не буду я у тебя часы покупать, или ты задаром отдаешь? Так давай, возьму.

Экхарт увидел, что он протягивает ей руку с часами. Бабушка потянулась было в его сторону, но мальчик быстро отдернул руку с драгоценностью и вылетел из трамвая, как и планировал несколько минут назад.

– Стой, ты портфель забыл! – закричала ему вслед бабушка, но Экхарт уже бежал в сторону дома, крепко сжимая подарок незнакомца и придумывая оправдания, которые позволили бы прогулять школу.

Так Экхарт и решил, что станет бухгалтером. Да, поверив словам незнакомца, определившего его будущее по монетке в руке. Экхарт понимал, что это звучит глупо, поэтому выдал эту идею за свою. Он долго обдумывал слова странного человека, но вскоре понял, что сам не против обуздать бухгалтерскую профессию. Конечно, это не было его мечтой, но что может быть лучше, чем цель, появилась настолько просто. Человек, которого Экхарт увидел впервые в жизни дал ему смысл существования, избавил его от проблемы выбора, решив за него его судьбу.

Вскоре Экхарт понял, что работа бухгалтером не так проста, как ему казалось. Первое, что он осознал это то, что даже его умений и увлечения деньгами оказалось недостаточно для начальства – оно всегда требовало от него большего, зачастую даже того, что не входит в его обязанности. Но Экхарт держался за эту работу, как мог, ведь с той встречи он искренне верил, что бухгалтер – его предназначение. Он пошел на работу сразу после окончания школы, в восемна-

дцать лет.

В то время налоговые службы только начали появляться, вышестоящие проверяли отчетность ровно как учитель проверяет домашнюю работу, а бухгалтеры только и мечтали о том, чтобы им попался особенно добрый и невнимательный к мелочам проверяющий. Каждого бухгалтера обязывали к самообучению, а так как информацию можно было найти только в печатных изданиях и специальных бухгалтерских книг не было, то приходилось изучать свое дело прямо во время работы.

Первое, что замечают бухгалтеры – то, сколько денег вдруг оказывается вокруг них. Наверное, только бухгалтеры видят так много денег каждый день. Не это ли мечта каждого человека? Сидеть, как дракон, охраняющий горы золота или в случае Экхарта, что-то более бумажное, но не менее ценное. Но драконы в городе Лимбург не жили. По крайней мере, для людей, которые не злоупотребляют алкоголем. Вот взять, например, случай, произошедший недавно в одном из известных парков страны.

Часть 15

«В Английском саду в Мюнхене главную аллею засадили новой разновидностью дамасских роз, возле которых было совершено невероятной жестокости убийство...» – читает Экхарт заголовок общенациональной газеты, которую он взял из почтового ящика по пути в квартиру.

«До чего же опасно становится в нашем мире, теперь не буду даже думать о предложении Натальи прогуляться в парке» – задумчиво проговорил у себя в голове Экхарт. В такие моменты он представлял себя чрезвычайно харизматичным и, может даже, склонным к философским размышлениям человеком. Он каждый вечер располагался в уютном кресле и читал газету, после чего переходил к книгам. Его библиотека была достаточно большой, чтобы занять не один его вечер. В основном, она была наполнена классическими произведениями и книгами некоторых малоизвестных авторов, пишущих свои революционные идеи о сознании человека и о том, как оно связано с нашим пребыванием в мире. Именно эти книги меньше всего были покрыты пылью. Однако во время чтения Экхарт больше увлекался мыслями о самом себе. Нередко в его голове застревали размышления о Наталье, всплывал ее образ, который грел его одинокую на тот момент душу. Но вскоре и этим мыслям приходил конец и уставший после рабочего дня Экхарт готовился к отходу

ко сну.

Он положил газету на журнальный столик. Экхарт посмотрел на часы, которые он носил с тех пор, как обменял их на счастливую монету у незнакомца. После этого он взглянул в окно – на улице было темно. Убедившись в том, что часы показывают точное время, Экхарт устроился в кресле поудобнее. Выключив свет, он дал усталости взять над ним верх, и заснул, позабыв обо всех своих мыслях.

Экхарт неспешно открыл глаза. Последующие действия, характеризующие его утро, оказались вполне обычными, а может и слишком обычными, даже для Экхарта. Ему показалось, что утренняя рутина происходит с необычайной легкостью. Возможно, потому, что она некоторое время была лишь продолжением сна, от которого просыпаться Экхарт совсем не хотел. Но вот он встал с кресла. И сразу же упал прямо на журнальный столик, находящийся рядом. Но Экхарта больше волновало то, что все его тело жутко затекло и едва ли начинало возвращать себе подвижность. После нескольких попыток встать, мышцы его все же напряглись и через пару мгновений Экхарт стоял уже более крепко, но все ещё держась за столик руками.

Казалось, прошло меньше минуты: Экхарт, имея многолетний стаж утренней подготовки к выходу на работу, ухитрился победить самого себя в поиске носков, оставленных за день до текущего утра неизвестно где. Если бы существова-

ли олимпийские игры по поиску вещей в квартире, Экхарт стал бы абсолютным чемпионом. Конечно, менее занятные подробности были опущены, знать о них не так обязательно, как и о том, что они наконец перестали испытывать Экхарта, который уже закрывал входную дверь.

– Доброе, конечно, – по обыкновению сказал он, в последний раз поворачивая ключ входной двери.

Экхарт начал спускаться по лестнице, как вдруг понял, что никто с ним не здоровался и тем более, не желал доброго утра. Экхарт затормозил и, наконец, взглянул на дверь, из которой, словно ангел из рая, каждый день к нему выходила Наталья. Ничего необычного он не заметил, но как только он об этом подумал, из двери раздался женский крик. Конечно, Экхарт не узнал бы голос Натальи, хотя и слышал его каждый день, но в этот момент он сильно занервничал, что-то внутри подсказывало ему, что плакала именно она. Недолго думая, Экхарт подошёл к двери, и заглянул в глазок. Постучал в дверь – ответа не последовало, только лишь тихий женский всхлип. Экхарт постучал сильнее и дверь отворилась сама – она не была закрыта. Множество мыслей нахлынуло на него в этот момент. Но он все же держал себя в руках, которые к слову, дрожали так, что тут помощь скорее нужна была Экхарту, чем девушке за дверью.

Экхарт вошёл в квартиру. Хотя он и видел ее пару раз через щель закрывающейся двери, но имея возможность рассмотреть все детально, не смог скрыть удивления габари-

там квартиры – она была просто огромной: прихожая вела в большой зал, который в свою очередь, имел сразу 6 дверей (стоит отметить, каждая имела свой порядковый номер от 1 до 6, номер висел табличкой на них), через которые проход был именно в комнаты, ведь ранее была замечена дверь в туалет, ванную, а также дверь с надписью: «Кладовая». И все это не считая кухни, проход в которую не был занят дверью и был виден только из самого зала. Одна из шести дверей – шестая, если считать слева-направо – была приоткрыта, это было видно по полосе света утреннего солнца. Она медленно подползала к ковру, лежащему на полу зала. Остальные помещения, казалось, были менее освещены, вероятно, оттого, что окна в них были закрыты шторами или даже, как показалось Экхарту, сами стёкла были натянуты каким-то чёрным полотном, что означает отсутствие штор – окна не были закрыты.

Экхарт потрусил к приоткрытой двери, и, достаточно приблизившись, смог разглядеть тонкую полоску крови, вытекающую из дверного проема. Экхарт слегка отпрянул, но тут раздался мужской голос, стоит отметить, приятный. Он принудил Экхарта, наконец, действовать: он схватил первое, что увидел – старый на вид торшер – и ворвался с ним в комнату. До чего же странная картина возникла теперь в этой, шестой, комнате квартиры 66: на пороге стоит Экхарт с торшером в правой руке и совершенно безумными от ужаса глазами, прямо перед ним лежит окровавленный труп, надо пола-

гать, мужа Натальи, которая, к слову, сидела совсем рядом на кровати, а около неё мужчина в дорогом на вид костюме. Они оба смеялись, показывая пальцем то на искажённое от боли лицо мужчины, лежавшего перед ними на полу, то на Экхарта, который уже решил, что сойдет с ума, если это продолжится ещё хотя бы мгновение. Только он об этом подумал, как смех прекратился и наступила тишина. Это позволило Экхарту принять менее утомительную позу и мимоходом осмотреть двух сидящих на кровати: слева и вправду сидела Наталья, а вот мужчина справа оказался Григорием только лишь очень знакомым. Зелёная рубашка, черные брюки и галстук с английской буквой “D” у основания.

– Да это же тот самый странный мужчина, с которым я имел неприязнь, благо недолгую, общаться... Что же он тут забыл? – подумал Экхарт.

Казалось, труп, лежащий прямо под ногами, перестал беспокоить Экхарта. Он и вовсе успокоился. Из всех эмоций он испытывал лишь сильнейшее удивление и некоторую тревогу, которая уже начала угасать. Мужчина, узнав Экхарта одновременно с тем, как, последний узнал его, тоже сделал удивленное лицо, но вскоре сменил его на привычное.

– Ну что же ты стоишь, Экхарт? Присаживайся, – сказал мужчина, по какой-то причине указывая на труп перед собой.

Видя, что его предложение было проигнорировано, он продолжил:

– Ну что, Экхарт, рассказывай, сколько жизней ты погубил?

– Я не понимаю, кто вы, что вы тут делаете и что вообще происходит! – наконец, воскликнул Экхарт.

– Как же, не понимает он. Вы посмотрите на него, Наталья, – обратился мужчина к девушке возле него.

Та лишь рассмеялась и начала очень внимательно всматриваться в Экхарта, будто бы изучая его как можно более подробно.

– Объясните же мне наконец, что здесь творится! – сказал Экхарт, не меняя темпа голоса.

– Для начала поставь этот торшер на место, он когда-то принадлежал Иоганну Экхарту, – многозначительно произнес мужчина.

Экхарт послушался и аккуратно поставил реликвию своего тезки на место.

– А теперь расскажи, сколько всего ты натворил с теми часами, что я тебе любезно подарил четыре года назад? – сказал мужчина и добавил, – И все в подробностях, подробностях.

– С теми часами? Ничего я с ними не делал, – ответил Экхарт.

– Как это ничего?! – вскочил мужчина. – Да ты что же такое говоришь? Их кто-то трогал, кроме тебя?

– Только я, – рассеяно сказал Экхарт.

– Что же ты натворил? Мы что, столько лет ждали, а ты

тут так нас подставил?

Экхарт решил было возразить, очевидно почувствовав бодрость и силы ввиду все нарастающего недоумения, но его перебили ещё раньше:

– Так, все. Не желаю тебя больше видеть, провались ты пропадом!

Всего мгновение, пол под Экхартом разрушился и последний полетел в черноту, образовавшуюся снизу.

– Провалился... – задумчиво прошептала Наталья.

Часть 16

Экхарт открыл глаза. «Что за жуткий сон» – подумалось ему. Он встал, посмотрел на часы, лежащие на столе, с некоторой опаской, после чего надел их и занялся привычной утренней рутинной. Все это время Экхарт думал о сне, который, казалось, не отпускал его все утро. Он не мог его забыть, и, что самое необычное, помнил все, что ему приснилось. Такого у Экхарта еще не было. Он читал про вещие сны в газетах, но ему скорее поверится в то, что он сошел с ума, чем в то, что мистике есть место в его жизни, хотя глубоко в душе он хотел, чтобы это оказалось правдой. Ведь хотя Экхарт и не обладал сильным и решительным характером, но мысли о некоторой революции собственной жизни очень давно засели в его сознании. Кажется, остался всего один шаг и юный бухгалтер переосмыслит все, что он пережил за свою пока еще не слишком длинную жизнь.

«...Еще и Наталья...» – мысли Экхарта прервал внезапный стук в дверь. Он вошел в прихожую, посмотрел в глазную щель и увидел бабушку из соседней квартиры. Всего на этаже их было четыре. Соседей Натальи Экхарт не знал, зато свою соседку помнил очень хорошо. Замок повернулся и дверь открылась.

– Здравствуй, Экхарт. Не одолжишь мне немного соли? У меня совсем кончилась... – сказала бабушка, улыбаясь и

протягивая пустую банку.

– Конечно, сейчас.

Экхарт взял банку.

– Спасибо, дорогой, – пролепетала бабушка и коснулась руки молодого человека, слегка задев часы.

Соседка была в хороших отношениях с родителями Экхарта, когда они тут жили вместе со своим единственным сыном. Но не так давно они переехали, оставив Экхарта со своими убеждениями о личной свободе и независимости. Теперь он был тут один, но бабушка часто занимала его семью хорошими разговорами о прожитой ей жизнью и иногда о прошлых жильцах этого дома, поэтому отказать в ее просьбе Экхарт не мог.

Он направился на кухню, потирая место, которого коснулась старушка. Оно вдруг начало немного зудеть и чесаться. Переступая порог кухни, он посмотрел на часы и увидел, что время на них 12:00 ночи. Он постучал по ним и минутная стрелка начала свой ход. Это показалось ему странным, ведь за окном было светло, в чем Экхарт тут же убедился. Он посмотрел на настенные часы, висевшие на кухне – время было 7:30. Оставив перевод наручных часов на потом, он наполнил банку солью и направился к входной двери, как вдруг услышал биение сердца. В этот момент он решил, что это его последние минуты и сон был предвестником смерти. Экхарт прислонился к стене, держась за голову и тяжело дыша. Все прекратилось также внезапно, как и началось. Наступила ти-

шина. Но тут Экхарт услышал шум в прихожей. Он устремился туда и, оказавшись у двери, он увидел бабушку, лежащую на полу. Она была мертва. Экхарта охватила паника. Он не знал, что делать и с ужасом в глазах несколько секунд смотрел на мертвое тело. Тут он услышал, как поворачивается замок в двери напротив. Вышла Наталья. Она взглянула на Экхарта и, заметив его испуганный взгляд, посмотрела ему под ноги и тут же закричала.

Прошло три дня. Экхарт больше не выходил из своей квартиры. Ему кажется, что он сходит с ума. Поначалу он не думал ни о чем необычном, ведь бабушка с верхнего этажа была довольно стара и ее смерть могла стать виной природы. Но вот что произошло через день после инцидента:

Это случилось утром. Экхарт проветривал комнату, как вдруг в открытое окно влетел воробей. Такое случалось и раньше, но в этот раз воробей оказался очень любознательным и не собирался улетать. Экхарт решил его наградить за это и насыпал ему немного зерен у окна. Воробей принялся за угощение, а хозяин квартиры устроился рядом, облокотившись на подоконник. Закончив с трапезой, птица взлетела и приземлилась на руку Экхарта. Его это очень позабавило и даже заставило улыбнуться. Птица пару раз прыгнула вдоль руки и остановилась на часах. Экхарт слегка заволновался и поправил часы, но, увидев, что пернатый посетитель в порядке и не собирается улетать, выдохнул. Как вдруг, он

снова услышал биение сердца. Оно звучало как его собственное, но намного тише. Каждый удар отзывался по всему телу Экхарта слабыми вибрациями. Прозвучал пятый удар, и все стихло. Воробей жалобно чирикнул и упал замертво. Экхарт в ужасе вскочил, попытался снять часы, но вскоре понял, что это невозможно – застежка, которая была на них все время будто бы исчезла, оставив лишь сплошной кожаный браслет. Он посмотрел на часы – время было 12:01.

Не стоит думать, что Экхарт так быстро сдался. Может, он и не обладал большой силой воли и решимостью, но полностью осознавал ситуацию, в которую он попал. Однако все попытки снять часы или как-то им навредить оказались тщетными, и на третий день Экхарт сдался. Он сидел у окна, смотря на место, где совсем недавно сидел воробей, где всего один день назад была жизнь, но теперь ее нет. «Может, я был избран?» – вдруг подумалось ему. «Может, кто-то дал мне эту силу, чтобы я уничтожил преступность? Да неважно кто! Я не буду сидеть здесь и смотреть, как моя жизнь идет своим чередом. Я не могу так поступить с собой. Тот незнакомец решил мою судьбу, но теперь я могу решать судьбы других людей!».

На следующее утро Экхарт собрал все вещи, которые могли сгодиться для длительного пользования, простился с местом, в котором жил целый год, и, наконец, покинул квартиру. Перед уходом он впервые зашел к Наталье. Он бы объяснил это тем, что вдруг обрел решимость. Он сделал тот са-

мый шаг, который будет вести его к цели. Долгие размышления о смысле существования и о том, как наладить свою жизнь не привели его к результатам. Он лишь узнал, как живут другие люди, как может жить он сам, но не делал ничего, что могло бы приблизить его к такой жизни, лишь набирался все новых и новых знаний. Теперь у него есть цель и он знает, как ее достичь. Он не боится проиграть, но верит в то, что у него получится и что именно этот путь приведет его к истинному осознанию его места в мире.

Экхарт постучал в дверь, ему открыли.

– Я отдаю тебе ключи от квартиры. Можешь делать с ней все, что захочешь, – сказал он, смотря девушке прямо в глаза.

Наталья выглядела грустной и подавленной.

– Значит, ты все же уезжаешь... – тихо сказала она, взяла протянутые ей ключи и закрыла дверь.

Из проема выпала сложенная вдвое бумажка. Экхарт с сомнением посмотрел на нее, но вскоре поднял, развернул и прочитал: «Здесь ты найдешь то, что тебе нужно. Удачи и надеюсь, ты нас спасешь» и ниже «Ulmer Stadtmauer». Он положил записку в карман, выдохнул и отправился в путь.

Первым делом Экхарт решил записывать все, что с ним происходит. Он начал с того, что уже произошло, поэтому купил несколько десятков листов бумаги и кожаный переплет, в который он их вшил. Также были пришиты язычок

и петля, которые позволяли закрывать рукотворную книгу, когда потребуется.

Следующее повествование ведется из дневника Экхарта, а также от его лица.

Часть 17

Дневник Экхарта Дейса.

Запись 1.

...Это все, что со мной произошло за эти три злополучных дня. Я буду записывать в этот дневник все, что я встречу на своем пути. Раньше со мной никогда такого не случалось. Я был бухгалтером целый год. Сейчас мне 19 лет, меня зовут Экхарт Дейс, и я еду в Ульм. Наталья, моя соседка и коллега по работе (уже нет) написала, что мне нужно туда. А именно, она написала: «Ульмская городская стена». Я уверен, что найду там ответы, ведь Наталья была в том кошмаре.

Эти часы теперь всегда со мной. Не потому что я хочу, а потому что я не могу от них избавиться. Это оружие, дарованное мне, чтобы менять судьбы людей и всех живых существ. Сейчас у меня больше вопросов, чем ответов, но я чувствую, что-то во мне поменялось. Я стал увереннее в себе. Я будто проснулся от долгого сна, в котором пребывал последние пять лет. Теперь я понимаю, что пришло время что-то менять в своей жизни, мои размышления претворяются в действия, а я знаю, что делать. На этом пока все, следующая запись будет из Ульма.

Запись 2.

Ульм. Красивый город. Я начал замечать то, что не заботило меня никогда ранее. Теперь я вижу мир, который меня окружает. Раньше я жил будто бы в замкнутой области, которая ограничивала мое поле зрения и не давала увидеть всю красоту, окружающую меня. Но сейчас я вижу. Вижу не только дороги и леса, озера и реки, места, скрытые от меня моими же убеждениями и зоной комфорта, которую я сам себе создал из кресла и книг, но и мир людей, окружающих меня. Я определил себе цель, и теперь, смотря на движение толпы, я понимаю, что они идут бесцельно. Хотя и кажется, что работа для них важна и действительно занимает много времени, которым они так дорожат, но все же в их глазах я не увидел искры, заставляющей их идти вперед, только лишь тоску и неизбежность, которые были и в моих глазах, но теперь нет. А сейчас о реальных вещах.

Меня поразила архитектура города. Я это заметил еще из окна поезда. Приехал утром и, выйдя на вокзал, незамедлительно направился к городской стене. Найти ее оказалось даже проще, чем я предполагал из ее названия. Только вот сама стена ответа мне не дала. Я обошел ее всю, но не нашел ничего необычного, кроме трех башен.

Почему я заговорил о необычном? Теперь я считаю, что мой сон был вещим. Я не знаю, кто этот человек в костюме, но Наталья явно желает мне помочь. Целый день я безуспешно ходил вдоль стены и порядком подустал. Я отправился ночевать в местную гостиницу. Выбрал ту, из окон

которой видно стену. Завтра отправлюсь в одну из башен, которую заметил при обходе. Надеюсь, найду то, что мне нужно. А сейчас я ложусь спать.

Запись 3.

Ночью я проснулся от громкого стука в дверь. Когда я открыл, никого не было. Посмотрев в окно, я заметил человека в длинном плаще. Он выходил из гостиницы, но вдруг резко остановился посреди дороги, ведущей к стене. Он обернулся и посмотрел прямо на меня. Я успел спрятаться.

Когда я проснулся, первым делом подумал, что это был кошмар. Однако, расспросив утром хозяина гостиницы, я убедился в том, что мои страшные сны теперь явь. Тот человек действительно приходил. Он хотел снять номер, который уже был занят мной. Я быстро догадался почему – из моего номера вид на стену был наиболее удобным. Я попытался вспомнить лицо того человека в плаще, но не смог. Хозяин гостиницы сказал, что было темно, и он не разглядел. Теперь мне кажется, что они все заодно. Главное не сходить с ума.

Я решил, что мне нужно прикрытие на случай, если в этом городе еще не все знают, в чем причина моего приезда. Недолго думая, я решил, что профессия журналиста лучше всего подойдет. Я купил еще один дневник, на этот раз, сделанный не мной. Стал записывать в него все необычное, что я заметил за все время. Это был мой журналистский днев-

ник. Он стал моим прикрытием. Также я приобрел небольшую наплечную сумку. Положил в нее оба дневника и самые необходимые вещи: два карандаша, кошелек и паспорт.

Днем я направился в одну из башен, а именно, в ту, которая была ближе. Я быстро ее достиг. Она оказалась выше, чем я думал. На каждой стороне находилось по несколько окон. Свет внутри не горел. Вход был свободный, поэтому прикрытия журналиста мне не понадобилось. Я обошел всю башню, но ничего кроме надписи: «Выход там», я не нашел. Пришлось идти в следующую. Вторая оказалась более широкой. Но внутри она была еще уже, чем первая. Я не знаю, чем это объяснить – наверное, толстыми стенами. Еще одно важное обстоятельство – окон у этой башни не было. Пришлось взять масляный фонарь за большие деньги у какого-то старика, стоящего неподалеку от башни. Выбора не было, так что я заплатил. К моему сожалению, ничего необычного в этой башне я не нашел. Третья башня. Она же и последняя. Ох, как я надеялся, что не только по счету, но и на моем пути. Моего новоприобретенного энтузиазма хватило ненадолго. В последней башне не было ничего, кроме паутины в углу и сквозняка. Я был подавлен.

Когда я спустился, я заметил в стене очень тонкое и маленькое окно. Скорее, щель. Я заглянул в нее: была видна часть стены в другом конце города. Мне показалось, что она не представляет ничего необычного, и я вышел из башни. На входе стоял тот старик, что дал мне фонарь. Он

сказал: «Любите подсматривать?». И широко улыбнулся. Я спросил, о чем он говорит. Он ответил: «А вы посмотрите поближе...». Я поблагодарил старика и немедленно направился к стене, которую увидел через щель. Кажется, теперь мне проще общаться с людьми. Работая бухгалтером, я мало разговаривал с коллегами, даже не обращал на них внимания, лишь плыл по течению и видел перед собой только работу. Теперь я понимаю, что важно также делать перерывы и все-таки контактировать с людьми, ведь именно мое желание попроситься с Натальей привело меня сюда. Не зайди я попроситься, не прочел бы той загадочной записки. Я не уверен, но, похоже, каждому человеку нужно решиться сделать то, что приведет его к тому, кто направит на верный путь...

Через полчаса я оказался на месте. Буквально прощупав камни, из которой состояла стена, я понял, что старик был прав – в ней был проход. Не скрытый, но и невооруженным глазом его не заметишь. Пришлось повозиться и разгрести щель руками. Вскоре моими стараниями проход принял овальную форму не больше метра в длину и полуметра в ширину. Недолго думая, я вошел...

Часть 18

Внутри оказалось сыро и душно. Я зажег фонарь и увидел, как насекомые разбежались от моих ног по углам. Помещение было маленьким и низким. Мне пришлось нагнуть голову. Я быстро осмотрел стены, но ничего не нашел. Дышать уже было невозможно. Я стал чувствовать резкий неприятный запах. Впопыхах я направился из дальнего угла к выходу, но тут наступил на центр, проход завалил большой камень, и я понял, что стою на одной из створок открывающегося пола. Они со скрежетом разомкнулись, и мне осталось только доверить свое падающее тело гравитации.

Приземление оказалось мягким. Я удивился и посмотрел на место своего падения. Лучшие бы я этого не делал. Подо мной лежала гора трупов. Я было подумал, что в древние времена сюда скидывали неугодных власти людей или преступников, но ведь трупы были свежими. Теперь я понял, откуда шел этот запах. Я встал и осмотрелся. Фонарь как-то чудом не потух, но все-таки кусок от него отлетел.

Помещение оказалось намного больше прежнего. Я даже решил, что это склеп. Осмотревшись, я нашел проход. Он был темным, но где-то вдалеке я увидел отблеск света. Я решительно направился туда. Пройдя довольно большое расстояние, я подумал, что заблудился, но не стал смотреть назад, ведь если бы я не нашел прохода, из которого

пришел, не понял бы в каком направлении мне идти. Через минуту я услышал чей-то голос. Я стал ступать тише, насколько мне позволяли мои ботинки. Наконец, я дошел до угла и увидел за ним комнату, освещенную светом в дальней ее части.

Я осмотрел ее издали и не поверил своим глазам: в центре на стуле сидела женщина. Кажется, она была связана. Ее светлые волосы были растрепаны, а одежда разорвана. Она бормотала что-то невнятное и временами всхлипывала. Вокруг нее ходил невысокий мужчина лет тридцати пяти с короткой бородой и растрепанными черными волосами средней длины. Он держал в руках книгу и что-то из нее читал. Я подумал, что это какой-то ритуал и решил, что пора действовать. Вот, что произошло:

– Эй, не подскажите, как мне отсюда... – начал я, выходя из-за угла.

Мужчина резко бросил на меня взгляд и достал что-то из-за пазухи. Кажется, это был пистолет.

– Стой на месте! – крикнул он.

Я остановился и поднял руки.

– Кто ты? – спросил он, заводя курок пистолета и направляя его на меня.

– Я не знаю... Я очнулся здесь, – не растерялся я.

В этот момент девушка подняла голову и посмотрела на меня. Я посмотрел на нее. Тут я увидел ужас в ее глазах. Она заерзала на стуле и стала кричать: «Нееет! Только не это!»

Только не он!»». Мужчина брызнул в нее какой-то жидкостью, и она затихла, продолжая бормотать что-то невнятное.

– Что? Этот оказался невкусным? – обратился он к ней.

Ответа не последовало.

– Стой на месте. Я разберусь с ней и выведу тебя отсюда, – сказал мужчина, убирая пистолет обратно.

– Ни с кем вы не будете разбираться! – крикнул я и бросился на него.

Он не ожидал атаки и упал на землю. В этот момент я заметил, что стул находился в центре какого-то круга с надписями и непонятными мне символами. Я хотел было замахнуться, но мужчина вскочил и повалил меня на пол. Он заломил мне руки, как вдруг резко вскочил и отпрянул от меня.

– Где ты это взял? – испуганно спросил он.

Я встал и посмотрел на него. Он указывал на мои часы.

– Это? – я показал пальцем на них.

– Стой! Не трогай их! – прокричал он.

Я понял, что он их коснулся.

– Да, конечно, – сказал я, опустив руки.

Увидев, что он убирает пистолет, я коснулся часов и бросился на него. На этот раз я применил его же прием.

– Ты не понимаешь, что делаешь! – кричал он.

Я победоносно сидел на нем и пытался не дать ему вырваться. Но вот наступил известный мне сценарий. ...Пятый удар. Мужчина затих и перестал сопротивляться. Я встал и посмотрел на девушку. Она испуганно смотрела на меня. Но

я не собирался ее развязывать.

– Что ты знаешь об этом? – спросил я, показывая на часы.

Она еще пару секунд смотрела на меня неизменным взглядом, как вдруг слегка повеселела.

– Я... Я скажу, только развяжи меня... Что-то мне мешает... – сказала она, делая паузы.

Я недоверчиво на нее посмотрел, но все же развязал. Она осталась сидеть на стуле.

– Вы знаете, как отсюда выбраться? – спросил я.

– Да, знаю, – сказала она, вставая и не поднимая головы.

Я отошел назад, проведя ногой по полу. В этот момент она резко задрала голову и посмотрела на меня, кривя улыбкой.

– Прощай. Еще увидимся, – сказала она и исчезла.

Сказать, что я был шокирован – не сказать ничего. Я оглядел сначала стул, потом ближайшиe предметы. Обнаружил, что стер часть странного круга ногой. В комнате ничего примечательного не было. Я посмотрел на труп мужчины. Так и не узнал, кто он. Осмотрев его карманы, я нашел письмо следующего содержания: «Отправляйся в Германию. Город Ульм. В восточной части стены есть вход. В ближайшей башне ты найдешь рычаг – подставка для факела. Надеюсь, тебе удастся застать врасплох того, кого ты найдешь. И да, у него теперь есть оружие – на вид обычные наручные часы, остерегайся» и ниже «Когда закончишь, отправляйся в Marienburg», и еще одно слово, начинающее-

ся на «S», но остальная его часть была смазана чернилами. Подпись в углу письма «Н.». Не знаю, кто такой Н, но теперь мне известно, куда нужно ехать. В гостиницу я не вернусь. Отправляюсь в место, указанное в письме сейчас же, только сначала выберусь отсюда. Я пишу это прямо здесь, чтобы не забыть подробности. Найденное письмо взял с собой.

Часть 19

Запись 4.

Направляюсь в Мариенберг. Из склепа выбрался способом, описанным в письме – через соседнюю башню. Пришлось постараться, но вопреки переживаниям, рычаг оказался также и с моей стороны. Почувствовав свободу, я сразу же отправился на вокзал и купил билет на поезд в город на Востоке страны – Мариенберг. Не знаю, что я там найду, но, кажется, кое-что начинает проясняться. Главной зацепкой могла стать книга, которую читал тот человек. Однако она исчезла так же, как исчезла странная девушка. Но все же, теперь я точно знаю, что мистика, которой я пугался, читая истории в газетах и книгах – правда.

Еще с детства я привык думать, что любая ситуация, произошедшая со мной должна чему-то научить. Именно поэтому я придавал очень большое значение встрече с незнакомцем в трамвае. Однако теперь я сомневаюсь, что смогу сделать какой-то разумный вывод из случившегося со мной. Разве что теперь я лучше управляю своим страхом. Это приводит меня к мысли, что любые эмоции можно контролировать или даже испытывать их без воздействия окружающей среды. Чувствую, что становлюсь одним из моих любимых авторов о личности и ее значении. Не знаю, плохо это или хорошо, но теперь я понимаю, что не из каждой

ситуации нужно делать определенные заключения, тем более те, которые должны вести человека по жизни. Вообще говоря, я думаю, незачем ждать от ситуаций объяснений, которые мы должны дать сами. А также не стоит искать эти самые случаи, способные «изменить мир» вокруг нас, которые я искал в книгах.

В поезде мне дали газету. Главный заголовок: «Ulmer Stadtmauer». Заголовок поменьше: «В городской стене найдено скрытое помещение». Пробегавшись глазами по статье, я встретил такие фразы, как «гора трупов», «проводили ритуалы», «секта». Ничего нового я не прочитал. Однако, газету я оставил и положил к себе в сумку. Я решил, что это хороший способ сохранить воспоминания о местах, в которых я был и, вероятно, еще побываю. Не знаю, как так быстро обнаружили это место. Предполагаю, что в этом замешан странный старик. Почему-то мне кажется, что мы еще свидимся...

Опытным путем я понял, что не привык к длительным поездкам, но, кажется, они мне начинают нравиться. За просмотром в окно может уйти много времени. Я чувствую, что становлюсь лучше, начинаю познавать этот мир. Мне это нравится. Я не знаю, зачем я пишу это в дневник. Возможно, мне хочется видеть свой личностный рост. Неделию назад меня будто пробудили от длинного сна, который не кончался и все больше обволакивал меня. Теперь я бодр и готов действовать. Это все, следующая запись будет из Ма-

риенберга.

Запись 5.

Я в Мариенберге. В пути мне каждую ночь снились кошмары. Кто-то звал меня в комнату гостиницы, в которой я ночевал в Ульме. Хотя теперь я и доверяю своим снам, но возвращаться не собираюсь. По крайней мере, пока.

До чего же красив и зелен город. На время я забылся и решил прогуляться по улицам. Эта архитектура средних веков... Она всегда меня влекла, но теперь я вижу это вблизи и понимаю, что нахожусь там, где должен быть. Через час я вспомнил, что приехал не наслаждаться видами. Поездка была довольно долгой, поэтому я решил не мотаться по городу в поисках, а поспрашивать местные газеты о необычных случаях.

Наступил вечер. Ни в одном издательстве не сказали ничего интересно. Наверное, в каждом решили, что я шпион их конкурентов. Сейчас я сижу в номере гостиницы, который снял пару минут назад. Планирую узнать кое-что у хозяина, я слышал, что он живет тут очень давно и с ним даже связана одна необычная история. Но о ней позже. Сначала перечитаю письмо, которое нашел у мужчины в склепе.

Как же я был слеп! Буква «S» после названия города. Я совсем про нее забыл. Круг мест сузился до тех, что начинаются с этой буквы. Все-таки сначала спрошу хозяина гостиницы.

Наш разговор оказался короче, чем я предполагал. Но я узнал все, что мне нужно. Оказывается, существует Marienburg schloss (Замок Мариенбург). Но находится он не в Мариенберге, как я сразу подумал, а за три сотни километров на Северо-Запад от него. К тому же, я осознал, что приехал в Мариенбург, а замок называется Мариенбург, как и в письме.

Хозяин гостиницы сказал, что замок расположен рядом с местом под названием Нордстеммен. Как я понял из его слов, это даже не город, скорее станция, но она носит такое же название, так что ошибиться сложно. Я было решил отправиться в путь, но час оказался слишком поздним. Также я вдруг обнаружил, что мои сбережения кончились и теперь у меня нет денег. Надо заработать хотя бы на билет. Похоже, мое прикрытие журналистом теперь вовсе не прикрытие, а новая работа.

Вместо долгого и трудного пути я избрал ложь. Конечно, безобидную. К тому же, этих людей я вряд ли увижу снова. Так что, сейчас я примусь за написание статьи. Надеюсь, мои писательские навыки стали лучше в результате ведения дневника.

Запись 6.

Кажется, я уснул прямо во время процесса. Я не буду переписывать сюда все, что получилось, расскажу лишь кратко.

История, о которой я упомянул в прошлой записи касается хозяина гостиницы, где я сейчас и нахожусь. Моя статья рассказывает ее же, но только слегка приукрашенную, насколько мне хватило фантазии. Признаюсь, я даже добавил в нее свой собственный случай в Ульме, но без подробностей. Получилось очень хорошо, на мой взгляд. Хотя и жутко, но я лишь приукрасил. Сама же история довольно банальна и заключается в том, что хозяин гостиницы убил свою жену и дочь во славу какого-то местного божества. Я добавил от себя, что это он был в склепе, а его жену и дочь спасли и вызволили на свободу. Я даже хотел написать, что теперь в гостинице обитает его призрак, но понял, что это чересчур и остановился на том, что он лишь ищет новую жертву. Ведь ночью я слышал женский крик в одном из номеров. Так я написал. Несу свое произведение в издательство.

За написанием статей я нахожу в себе спокойствие и сосредоточенность. Они возникают сами по себе и, кажется, умные люди называют это вдохновением. Может, когда-нибудь я напишу статью и о том, как важно найти увлечение, способное занимать человека часами, унося его в мир спокойствия и уединения. Однако пока это всего лишь хобби, которым я увлекаюсь в минуты наедине с собой.

Сейчас я сижу в странном старом поезде. У меня есть деньги, но не много. Удалось продать статью за несколько повышенный гонорар. Кажется, я начал понимать, как

правильно общаться с людьми. Особенно, с теми, от кого что-то нужно. Я думаю, это связано с тем, что я учусь всему на практике. Я также решил купить пару «умных» журналов, чтобы заняться чем-то кроме лицемерия картин, ежесекундно сменяющихся в окне поезда. Я не только рад тому, что открываю для себя новые возможности, но и хочу их развивать. Следующая запись будет, когда приеду в место назначения. Пока примусь за чтение.

Уснул на середине. Не помню ничего из прочитанного, только странный сон. Я видел замок. Похоже, это был Мариенбург. Нет, это точно был он. Прямо сейчас я вижу его в окне поезда. Похоже, у меня действительно вещие сны, или же я здесь когда-то был...

Часть 20

20 апреля 1939 г.

Не могу поверить, что я выбрался оттуда! Теперь буду писать дату, если между записями прошло много времени. Я буду делать это еще по одной причине — кажется, я не знаю, сколько я пробыл в этом замке. Я даже не уверен, что все кончено. Сейчас я уже на полпути в Moritzburg (Моритцбург), напротив меня сидит Джулия, у меня в кармане отрывок газеты 1858 года и указательный палец короля Георга Пятого. Но сейчас обо всем подробнее. Вот как все было:

У входа не было людей, поэтому я отворил двери сам. Не без труда, но ворота мне поддались и открылись.

– Кто-нибудь есть? – громко спросил я, войдя в замок.

Внутри оказалось большое пустое помещение. В прямом смысле пустое. В нем не было ничего, кроме стен и пола. Я оценил интерьер, обойдя по кругу весь зал. Остановившись, я повторил свой вопрос и прислушался. Никто не ответил.

За одним углом я нашел широкую винтовую лестницу. Я поднялся по ней, поражаясь красоте места, которое меня окружало. Стены были вполне однотонного светло-зеленого цвета. Мое внимание привлекли картины. На них были изображены женщины и мужчины. Не святые, но герцоги и герцогини, короли и королевы. Или даже другие знатные сословия. Они были одеты в разные живописные одежды. Позы

у всех были разные. По какой-то причине на всех картинах люди стоят поодиночке. Чаще всего я видел картину, обильно обшитую золотом. Присмотревшись, я прочел надпись: «Георг V».

Я, наконец, поднялся на второй этаж. Оказалось, лестница ведет в библиотеку. Это была небольшая круглая комната с небольшим круглым комодом. Из него до самого потолка уходило строение, напоминающее фонтан. Как если бы брызги воды застыли и стали деревянными. В библиотеке были окна. Они чередовались с небольшими, но высокими книжными стеллажами, над каждым из которых висело по голове из мрамора. Одну я узнал – Георга Пятого. Головы были направлены друг на друга по часовой стрелке. Тут я услышал голос позади:

– Вы что-то ищете?

Я обернулся. Передо мной стоял дворецкий в черном фраке. Он терпеливо смотрел на меня, ожидая ответа.

– Да, я бы хотел осмотреть свое новое приобретение, – я решил вновь подключить фантазию.

– Приобретение? – переспросил он и вдруг сказал, – ах да, вы пришли посмотреть, насколько хорошо выполнена работа, король Георг.

– Да, как я и сказал, – твердо ответил я, принимая гордый вид.

– Свадьба назначена на тот же день, сэр?

– Конечно. Не забудьте, с кем именно у меня свадьба? –

сказал я, пытаюсь изобразить забывчивость на своем лице.

– С вашей возлюбленной Марией, урождённой принцессой Саксен-Альтенбургской, сэра, – сказал дворецкий, слегка удивившись, – бал уже начался, прошу за мной. – Он сделал знак рукой и начал спускаться по лестнице, как вдруг остановился и сказал, – но сначала, переоденьтесь.

Дворецкий направился вниз. Я последовал за ним. Когда я спустился, тут же поразился тому, что увидел. Зал был заполнен людьми, танцующими в красивейших фраках и платьях. Во всю играла странная веселая музыка. Я слегка замер, но, чтобы не подавать вида удивления, вскоре последовал за дворецким. Он привел меня в комнату с костюмами. Их было настолько много, что я даже растерялся в выборе. Он раздвинул платья в стороны и моему взору открылся большой деревянный шкаф.

– Возьмите этот, – дворецкий открыл изделие.

Я заглянул внутрь. Меня встретил труп человека. Кажется, это был Георг Пятый. Он был одет в великолепный костюм, успевший покрыться пылью и еще чем-то липким на вид. К моему удивлению, в шкафу лежал именно труп, а не скелет. Дворецкого, впрочем, это не смутило. Он спокойно снял с короля костюм и повесил его наподобие вешалки.

– Его не помешало бы сначала постирать, – сказал я, делая вид, что труп меня не интересует.

– Костюм надраен к вашему приезду, сэра, – услышал я в ответ.

– А, тогда не подскажите, сколько времени? – быстро сказал я и коснулся его руки часами.

Точнее, я думал, что коснусь. Моя рука прошла прямо сквозь него. В этот момент громко зазвенели какие-то часы в замке.

– Время начинать, – торжественно сказал дворецкий и удалился, оставив нас с Георгом наедине.

Я не притронулся к костюму. Предпочел свою рубашку с жилеткой и брюки этому фраку, годному лишь для мытья полов. Выходя из помещения, я услышал какой-то шорох позади, но, обернувшись, ничего не увидел. Я оказался в зале. Несколько официантов приносили закуски. Впрочем, пока я отсутствовал, кто-то принес пару десятиметровых столов и накрыл их всевозможными угощениями. У меня разгулялся аппетит. Я подошел к невиданной мной никогда ранее пище. Потрогав великолепно запеченного фазана, я понял, что фокус с дворецким на еде не работает. Она была настоящая. Я принялся за птицу, не заметив, как ко мне подошел мужчина в еще одном роскошном костюме.

– Король Георг, рад вас видеть, – сказал он, поклонившись.

Я вытер рот салфеткой, лежавшей на столе и ответил ему тем же.

– Полагаю, ваша невеста ослепительно красива? – спросил он.

Мужчина был лысый. С выразительным лицом и острой

бородой средней длины.

– Несомненно, – коротко ответил я.

– Ну что же, прошу меня извинить, мне нужно встретить мою жену, – он откланялся и ушел.

Я незаметно дотронулся до его спины. То же самое, что и с дворецким – рука прошла насквозь. Было ясно, что эти люди давно умерли. Сейчас рядом со мной были их души, не нашедшие себе места вне нашего мира. Я решил не злить их и делать то, что мне говорят. В этот момент меня подхватила какая-то девушка в коротком тонком платье и закружилась со мной в танце. Мы быстро оказались в центре бала. Она смотрела на меня странным взглядом, будто пытаясь что-то мне сказать. Я подумал, что она человек, но прикоснувшись, понял, что это не так. Я не мог ее потрогать, но она меня – запросто. Те, с кем я связался, могут касаться всего в этом месте, но я на них воздействовать никак не мог.

Я посмотрел на девушку внимательнее и увидел, что она пытается открыть рот, но почему-то не может этого сделать. Но вдруг у нее получилось:

– Не пейте и не ешьте здесь ничего... – сказала она, как вдруг какие-то люди подхватили ее и потащили к лестнице в библиотеку.

Она успела крикнуть: «Не верьте тому, что видите!» и исчезла за углом. Я бросился за ней, но прямо передо мной резко сгустилась толпа. Я стал искать способ их обойти, как вдруг вспомнил, что не могу их касаться и пробежал прямо

через них. Я вбежал по лестнице в библиотеку, но никого там не нашел. После нескольких минут поисков, стало ясно, что здесь никого нет. Они забрали ее в какое-то другое место.

На комод в центре лежал обрывок старой газеты. Заголовок был такой: «Márienburg schloss». Ниже было написано: «Король устроил кровавый бал на своей свадьбе. Невесте удалось сбежать, но больше никто не выбрался...». На этом моменте клочок газеты заканчивался. Вскоре он оказался в моей сумке. Я быстро еще раз оглянул библиотеку, как вдруг заметил, что все мраморные головы направлены на меня. Все, кроме головы короля Георга. Она куда-то исчезла. Я не на шутку перепугался. Но глубоко вздохнув, набрался решимости и спустился обратно в зал.

Часть 21

– Король Георг! – провозгласил дворецкий, когда я показался из-за угла, – и его невеста Мария, – он указал рукой на ворота.

Люди расступились к столам, предлагая общему взгляду бархатную малахитовую дорожку. Двери открылись, и в замок ступила девушка. Я ожидал увидеть на ней платье или хотя бы белую вуаль, но она была одета так же, как я. Дворецкий подошел ко мне:

– Вы готовы, сэр?

Я заметил, как он достает длинный волнистый нож с ручкой, обтянутой кожей, и протягивает его мне. Я отпрянул от него.

– В чем дело? Вы странно себя ведете, мой король, – сказал он, – возьмите и свершите ритуал, которого мы ждем уже больше восьмидесяти лет.

Посмотрев на девушку, стало видно, что она связана. Я подошел к ней и стал делать вид, что проверяю остроту ножа.

– Кто ты? – тихо спросил я.

– С какой стати призракам интересоваться моей настоящей личностью? – бросила она, смотря на то, как я поглаживаю нож.

– Значит, все эти люди – призраки... Говори быстрее, что мне делать?

Она смотрела на меня еще несколько секунд и вдруг сказала:

– Коснись меня.

Я дотронулся до ее руки. Она пощупала меня пальцами, насколько это позволяло ее положение и удовлетворенно выдохнула.

– Во всем замешан король Георг Пятый, – быстро заговорила она, – он провел...

– Ритуал! – прервал ее я.

– Да. В 1858 году четырнадцатого апреля – в день рождения его невесты. Сегодня то же число, но спустя восемьдесят три года, – сказала она и набрав воздуха, продолжила, – король всех обманул, сказав, что ритуал даст им вечную жизнь, но он лишь забрал их годы себе.

– Как их остановить?

– Достань из моей сумки серый тканый мешочек.

Я сделал, что она попросила.

– Теперь достань зажигалку.

– Что? – спросил я, пытаясь быстро сообразить, что это такое.

– Огниво, небольшое прямоугольное устройство.

Быстро найдя то, что нужно я убрал все в свою сумку.

– Посыпь труп короля тем, что в мешке и подожги его. Но сначала, развяжи меня.

Я разрезал веревки и, наконец освободил девушку, как вдруг услышал мужской голос:

– Так-так-так, – быстро сказал кто-то позади меня.

Я резко обернулся и увидел короля Георга собственной персоной. От неожиданности я ударил его ножом по руке. Указательный палец полетел на пол. Король закричал от боли, схватившись за руку. На отрубленном пальце было странное кольцо с зеленым камнем.

– Он человек, это он! – закричала девушка.

Подняв конечность, я раскрыл мешочек и бросил его содержимое в короля.

– Что дальше? – быстро спросил я, смотря на девушку.

– Поджигай!

– Как?

– Дай сюда! – она схватила зажигалку, в который быстро зажегся огонь, также скоро переместившийся на все еще кричащего и корчившегося короля.

Он загорелся зеленым пламенем и крича угрозы смерти, кинулся на нас. Девушка схватила меня за руку, полностью обхватив часы.

– Нет! – воскликнул я.

Но было уже поздно.

– В чем дело? Бежим! – крикнула она и рванулась к дверям.

Мне осталось только последовать ее примеру. Когда мы побежали, я заметил, как еда, разложенная на столах, превращается в горы трупов. Меня чуть не стошнило, но я сдержался. Мы вырвались наружу, но бежали еще долго. Сначала

ла впереди была девушка, но я быстро сообразил, что нам лучше всего сейчас попасть на вокзал и как можно скорее уехать отсюда. Мы достигли платформы, я подождал, когда девушка купит билеты, и вскоре мы сели на поезд.

– Меня зовут Джулия – сказала девушка, протягивая мне руку.

Я пожал ее ладонь и ответил:

– Экхарт.

– Что ты пишешь? – спросила Джулия.

Часть 22

Я сказал, что веду свой дневник. Она не сказала ничего по этому поводу. Мы молчали какое-то время, пока я не узнал у проводника, что поезд едет в Дрезден. Я спросил Джулию, что это за город, но она промолчала. Я спросил настойчивее, и она выдала, что купила билет в этот город нарочно.

– Но зачем? – спросил я.

– У меня там работа, ты можешь выйти ближе к своей станции, я дам тебе денег на поезд, – холодно ответила девушка.

– Теперь это наша работа, – невозмутимо ответил я.

– Это еще почему? – также невозмутимо спросила она.

– Я спас тебя.

– Кто? Ты? – Джулия рассмеялась, – Это я тебя спасла.

– Я еду с тобой и это не обсуждается.

Она посмотрела на меня внимательнее и согласно кивнула.

– Я не буду спрашивать, что за работа, но кто ее тебе поручает? – спросил я, выдержав паузу.

– Я не могу сказать.

В вагоне повисла тишина. Я устроился поудобнее и стал смотреть в окно. Я полюбил это занятие, оно позволяло мне чувствовать себя свободнее.

– У тебя есть часы? Сколько сейчас времени? – вдруг

спросила Джулия.

Я инстинктивно взялся за часы и сказал:

– Половина шестого.

И тут я понял, что наделал. Я знал, что это может случиться-ся и что я забуду о часах, но, чтобы так просто. Я с ужасом в глазах посмотрел на Джулию.

– Что? Ты будто смерть увидел, – весело сказала она и, нахмурившись, посмотрела назад.

Я закрыл глаза и начал отсчитывать минуту. Вокруг меня повисла тишина. Кажется, я отсчитал даже две, но биение сердца так и не услышал. Я медленно открыл глаза. Джулия была в нескольких сантиметрах от меня. Изучала часы. От неожиданности я отпрянул в сторону.

– Вот что скажу: я наслышана о твоей судьбе и уж точно могу сказать, что в ней роли больше не сыграю, – медленно проговорила она, все еще смотря на часы.

– Как это знаешь? – удивленно спросил я.

– Мой работодатель предупредил, что я могу встретить тебя. Нам с тобой не по пути, – сказала Джулия, переводя взгляд на меня.

– И почему мою судьбу решили все, кроме меня, – пробурчал я себе под нос.

– Ах да, она сказала, прочесть письмо, когда я тебя встречу, – вдруг сказала девушка.

– Кто это – она? – спросил я.

По лицу Джулии стало понятно, что она сказала лишнее.

Она принялась рыться в своей сумке. Через минуту девушка с победоносным видом достала смятый листок, выпрямила его как смогла и начала читать. Я наблюдал, смотря то на Джулию, то на листок. Ее глаза время от времени округлялись, но, когда она читала последние строки, ее лицо вновь приняло безразличный вид. Я сразу понял, что в этом письме есть что-то настолько важное, что первым должен был прочитать его я. Но девушка быстро убрала листок обратно и посмотрела на меня.

– Ну что ж, Экхарт, твой путь лежит в замок Морицбург. Ты найдешь его на карте, когда будешь в Дрездене. И еще, отдай мне кольцо короля.

Я передал девушке кольцо и то, что шло с ним в комплекте.

– Прощай...

– Постой, но как ты... – перебил я.

– Что? – она увидела, как я посмотрел на часы и продолжила, – Не беспокойся об этом, мое время уже подходит к концу. Прощай, надеюсь, ты нас спасешь.

Я смотрел на спину уходящей вглубь вагона Джулии. Она дошла до выходных дверей, обернулась на меня, улыбнулась и прыгнула прямо в них. Я вскочил и глянул на двери: они были закрыты. Джулии уже не было в поезде, я это понял сразу. Я сел на свое место. И почему все говорят мне про какое-то спасение? Я решил перечитать прошлые записи. До Дрездена не так долго ехать, но времени должно хватить.

Я вдруг понял, что даже не обратил внимания на то, что общаюсь с девушкой, причем очень даже симпатичной. Раньше я был очень застенчив и даже в критической ситуации, исключаяющей то, что можно отвертеться от общения, я все равно волновался. Объяснение, которое я нахожу, заключается в том, что или я был слишком напуган и оттого даже увлечен, что только лишь сейчас пришел в себя, или совместная работа заставила нас почувствовать опору друг в друге, что дало старт нашим отношениям, которые продлились совсем недолго. Хотя я больше склоняюсь к тому, что я стал увереннее в себе, что неустанно повторяю даже перед отходом ко сну. Наверное, в этом я нахожу главную причину того, почему я еще не сдался.

Запись 7.

Дрезден встретил меня приветливо. Добрые люди с добрыми намерениями. Сейчас я во всем вижу странные намеки, но это не помешало мне насладиться теплотой и уютom города. Мне полюбилось путешествовать и посещать новые места. В этом я нахожу некоторое отвлечение от моего трудного пути. Все ужасы, что я пережил, забываются, когда я прогуливаюсь по новым местам, так манящим меня еще издали.

Я приехал рано утром, поэтому времени на посещение замка было много. Как же мне не хотелось снова бывать в таком месте. Я решил немного передохнуть от своего пу-

тешества. Одна бабушка сдавала комнату на ночь в доме, расположенном недалеко от вокзала. Я заселился, и первым же делом лег в кровать и уснул.

Проснулся только вечером. Я встал и выглянул в окно. Никого не было. Я прислушался, но никаких звуков не было слышно ни из соседних комнат, ни с улицы. Прогулявшись по квартире, я понял, что кроме меня в жилище никого нет. Я взял сумку, вышел на улицу и убедился, что пустует не только квартира со снятой мной комнатой, но и весь город. Я шел по улице, но не увидел ни одного человека и даже ни одной машины. Погода была совершенно обыкновенная для весны. Легкий ветерок обдувал лицо, создавая приятное ощущение. Я вдруг понял, что, если есть те, кто мне помогают, как Джулия или Наталья, то наверняка найдутся и те, кто будут мешать. Я решил вести себя как обычно, чтобы не вызвать подозрения, что я догадался об этом. Для этого мне нужно было куда-нибудь сесть. Вскоре нашлась подходящая лавочка.

Для начала я записал в свой дневник все, что было после приезда в Дрезден. Немного осмотревшись и поняв, что мне пока ничего не угрожает, принялся за написание статьи про замок Мариенбург, в котором я побывал днем ранее. Я опустил мистические подробности, но оставил легенду о кровавом пире. Хотя теперь я уже не уверен, что это легенда. Во время написания, я вдруг осознал, насколько я мал. Насколько малы все мы, люди. Если существуют такие вещи,

о которых я даже подумать не мог, то чего мы еще не знаем. Я понял, что мои действия, насколько бы судьбоносными они не казались, настолько малы относительно нашей планеты, что я всего лишь крупница, я муравей, который работает, чтобы строить все новые и новые жилища, заполняя и без того занятую Землю. Я так и не дописал статью. Мои мысли устремились очень далеко вместе с моим взглядом. Я даже не помню, заметил ли я тогда как стемнело. Вскоре я оказался в квартире. Кажется, всю дорогу я был занят мыслью о своей малой значимости в этом мире.

Когда я зашел в комнату, сразу почувствовал вкусный запах. На кухню я обнаружил еду, красиво разложенную на столе. Мне сразу вспомнился бал в замке. Однако мой аппетит от этого не потерялся, и я съел все, что лежало. Сытый и довольный, я лег спать, не обратив внимания на зажжённый свет.

Часть 23

21 апреля 1939 г. 18:00

Я проснулся и обнаружил, что опять наступил вечер. Поначалу я не заметил ничего странного, но, выглянув в окно, стало понятно, что я опять остался один. Я записал дату в дневник, чтобы проверить одну мою теорию, верить в которую мне очень не хотелось. Также я обвел в календаре сегодняшнее число и пошел осмотреться. В квартире опять никого не было. Я решил успокоиться и дописать вчерашнюю статью. Поискав ее в сумке, я обнаружил, что ее нет. И более того, я почти не помню вчерашний день. Мне стало не по себе, но вскоре я взял себя в руки и попытался вспомнить, что произошло. Я перечитал недавние записи и убедился, что все-таки писал статью о замке.

Я вышел на улицу. Вечерело. В окнах некоторых домов я заметил свет, гаснущий вскоре после того, как я его замечал. Я прогулялся, по пути припоминая вчерашний маршрут и вскоре нашел место, в котором писал статью о замке. Осмотревшись, я ничего не нашел. Кроме того, я не заметил ни единого признака того, что за целый день здесь появился хотя бы один человек. С минуту я стоял и думал, как мне быть. В итоге решил обойти хотя бы улицу. Я забрел в небольшой сквер, выходящий в парк. Приятная прохлада и теплая летняя погода позволила мне насладиться атмо-

сферой места, которое по какой-то причине покинули люди. Это было загадочное и пугающее место, но почему-то я вновь ушел в свои мысли и размышления. Вскоре я вернулся туда, откуда начал сегодняшнюю прогулку – к дому, в котором снимал квартиру. Я отправился на вокзал. К этому времени уже сильно стемнело. У одного из окон на кассе сидел молодой кассир в новой на вид форме. Я подошел к нему.

– Здравствуйте, куда желаете приобрести билет? – спросил он.

– В Морицбург, – ответил я, пристально наблюдая за тем, как он роется в ящиках стола.

– Отличный выбор! На который час вы желаете приобрести билет? – снова спросил он.

Я посмотрел на часы. Они показали ровно 12 часов ночи, меня начало клонить в сон, и я свалился на пол без сознания.

21 апреля 1939 г. 18:00

Я проснулся и лихорадочно стал записывать все, что помнил о вчерашнем дне. Хотя теперь я сомневаюсь, что вчерашний день вообще был. Я посмотрел на календарь и увидел, что дата не отмечена. Возможно, это все большой розыгрыш, но я склонен полагать, что попал в какое-то место, в котором мой день не закончится, пока я не сделаю что-то важное. Меня вновь охватывает чувство, что кто-то решает мою судьбу за меня. Будто люди, имеющие хоть немного больше власти, чем я, оказались настолько умны,

что продумали мои действия наперед, дав мне решить, что я сам выбрал свой путь. Из книг я понял, что такие теории не доводят до добра и носят даже негативный, разрушительный характер для сознания. Однако порой я все же задумываюсь о том, что мой выбор не так уж и судьбоносен даже для меня. К тому же, если мне действительно суждено изменить что-то в мире, то нужно ли делать то, что скорее изменит меня, а не окружающий меня мир?

Я собрался и пошел сразу на вокзал, твердо зная, что мне нужно именно туда. Еще издали я увидел, что в том же окне сидел все тот же кассир. Он рылся в ящиках стола, как и в прошлый раз. Когда я подошел ближе, кассир дал мне какой-то буклет, похожий скорее на вырванный лист из журнала. «Schloss Moritzburg» – такой заголовок я прочел. Брошюру положил в сумку с надеждой, что завтра смогу ее там обнаружить. Купил билет в Морицбург. Кассир спросил меня, в который час мне удобно отправиться. Я удивился, но не подал виду. На часы смотреть не стал, прошлый опыт мне не понравился. Я назвал время на час позже шести вечера и отправился на платформу. Поезд приехал через десять минут. В вагоне никого не было, как я и подозревал. Я осмотрел сиденья, не нашел ничего странного и вскоре сел дожидаться отправления.

Замок я увидел еще издалека. Остановок было немного, но, несмотря на то, что никто не стоял ни на одной платформе, ни одной станции пропущено не было. Хотя я и из-

бегал людей раньше, но настолько безлюдное место внушало скорее страх, чем спокойствие. К тому же, поезд ехал не сам по себе, так я себя убеждаю. Вот, я подъезжаю к станции и могу рассмотреть произведение архитектуры поближе.

Замок оказался красивым. Я бы сказал, он был не таким мрачным, как предыдущий. Было довольно темно, и мне показалось, что замок, изо всех окон которого горел теплый свет, висит в воздухе. Еще невооруженным взглядом видно, что он стоит на островке, соединяющем два берега. Я вышел на платформу и присмотрелся: у замка стояли люди, их было очень много. Я никогда не видел настолько большого скопления людей в одном месте. Записываю последнюю фразу, пока еще вижу, где писать. Отправляюсь в замок. Надеюсь, удастся прекратить этот кошмар с повторяющимся днем.

Запись 8.

29 апреля 1939 г.

Я пишу эту дату с невероятной радостью оттого, что все кончилось. Перечитав прошлые записи, я вдруг понял, что они выглядят как типичные записки сумасшедшего человека. Даже не знаю, поверит ли тот, кто их прочтет, но мистическая история может выйти неплохая. Поэтому я решил выпустить собственный мини-сборник своих же историй ужасов. Сейчас я нахожусь в тихом городке Кассель.

Я приехал в это место неделю назад и с тех пор ни разу не пожалел. Мне надоели эти путешествия с жуткой начинкой и теперь я обосновался здесь. Поначалу я даже скучал по приключениям, но, похоже, от всего нужно отдыхать.

Часы все еще при мне, но я использую их только для того, чтобы узнавать время. Хотя, признаюсь, я бы отправился и в следующее мистическое место, но в замке Морицбург я не нашел никаких подсказок. К сожалению, я помню все, что произошло в этом проклятом месте, поэтому не стал спешить с тем, чтобы это записать. Об этих событиях мне будет напоминать очередная газета, которую я нашел в парке у замка. Для начала закончу свой сборник. В него также войдут истории, произошедшие только в моей голове и приправленные немалой долей фантазии, которой у меня теперь больше, чем нужно.

Я начал писать, но хотел рассказать миру не только об ужасах, произошедших со мной, но и о том, как пережил это эмоционально, и какие новоприобретенные убеждения помогли мне в этом. Почему-то чувствую себя человеком, вдруг узнавшим все, как если бы я был умственно отсталым, на котором опробовали чудодейственное лекарство, сделавшее меня гением. Я многое понял за все время путешествия, но мне кажется, что я так мало знаю. Недавно прочитал весьма занятное высказывание: «Чем больше ты знаешь, тем больше думаешь, что мало знаешь». Не знаю, как называется этот эффект, но теперь я имею много вре-

мени, чтобы его разгадать.

У меня даже закрадывается мысль написать свою собственную полноценную книгу, которая сможет совместить мою философию и фантазию в едином целом. К сожалению, я прочел слишком мало книг о человеке, чтобы о нем писать. Я практически не знаю истории и не знаком даже с половиной романов. Однако недавно в газете я обнаружил интересную историю о художнике, рисующем ногами. Это ли не доказательство того, что творчество должно исходить из души, а не из тела и ума человека. Я уверен, что важнее передать посыл, смысл того, что ты чувствуешь другим людям, чем удивить их красотой своего творения, подарив лишь мимолетное удовольствие, которое так сильно увлекает людей в последнее время...

Я могу лишь сказать, что обрел здесь настоящую свободу. Я знаю, кто я, и чего хочу. Решать судьбы людей теперь не мое призвание, это никому не подвластно: человеку от того, что в нашем мире такие часы, как у меня могут быть всего одни, и я их уничтожу, когда найду способ; Богу из-за того, что никто иной, как он сам придумал заповедь «не убей». Я не человек, но и не Бог, ведь мне дана нечеловеческая сила, но и контролировать я ее не могу. Сейчас же я обычный писатель. Я сам решил свою судьбу, и никто не сможет ее изменить. Опишу события, произошедшие в замке Морицбург, если на это хватит сил. Вынужден проститься...

1 мая 1939 г.

Сегодня у меня отличное настроение. Мой сборник опубликовали, и он набирает популярность. Этой новостью меня обрадовал местный газетчик. Я не буду многословен о событиях, которые обещал поведать в записи от 29 апреля. Однако, составить общую картину читающему это обстоятельство не помешает.

Я отправился на территорию замка и вскоре оказался в толпе. Остров был окружен лесом, поэтому внимание всех людей было сконцентрировано на замке, стоящем в центре. Один худой и высокий мужчина сказал мне, что все пришли на охоту. Я попытался узнать, что за охота, но в этот момент меня прервал человек, стоящий все это время у входа в замок. До него было добрых метров двести. Ему принесли огромный громкоговоритель, которым он тут же воспользовался. Он сказал, что охота объявляется открытой. В этот момент остров вздрогнул и мне показалось, он начал движение по воде. Люди слегка засуетились. Из ворот замка вышли два человека с ружьями в руках. Они пальнули из оружия в толпу, и все бросились врассыпную.

Послышались крики и всплески воды, порождающие еще более громкие возгласы. Я спрятался за деревом, возле которого стоял все время, и стал наблюдать за двумя «охотниками». Они медленно приближались, с каждым шагом делая по точному выстрелу. Раньше бы меня точно хватил паника и ужас, но я стоял и смотрел, как если бы это был

сон. Вскоре они настолько приблизились, что я смог разглядеть их лица. В этот момент я действительно испугался. Этими охотниками были мои родители. Они выглядели такими, какими я видел их в последний раз, то есть, два года назад. Слегка постаревшие, одетые в какие-то старые обмундирования охотников.

Я инстинктивно крикнул им, что это я, их сын. Но в ответ получил лишь выстрел в мою сторону. От дерева отлетели щепки. Я услышал, как они перезаряжают ружья. Вдруг стало тихо. Я аккуратно выглянул и увидел, что они плачут. Немного выйдя из-за укрытия, я присмотрелся к родителям внимательнее, как вдруг они одновременно сказали: «Нам очень жаль, Экхарт, но мы должны». После этого они резко вскинули ружья и выстрелили. Я спрятался за дерево, но оказалось, что стреляли не в меня. Я услышал крик, выглянул и увидел мужчину, бегущего на моих родителей с веткой в руке. Он не добежал до них пару метров, как остановился, упал на колени и приложился к земле. Недалеко от него лежала девушка, наверное, его жена.

Заметив, что охотники приближаются к моему укрытию, я решил залезть на дерево. Я наблюдал, как они подошли к нему вплотную. Теперь я мог разглядеть их лица более детально. Всмотревшись, я увидел, что они совершенно спокойны. Это единственная эмоция, которую описывали выражения их лиц. Родители стояли у дерева и медленно осматривали место, на котором я только что стоял. Вдруг

они подняли головы кверху. Я спрыгнул на них, выбив оружие из рук. Быстро вскочив на ноги, я коснулся их обоих часами и побежал что было сил. Бежал я недолго, ведь вскоре упал. Мне показалось, что от выстрела, но, кажется, я просто споткнулся.

Во время приземления я потерял сознание. Когда очнулся, уже был день. Я все еще лежал в траве на острове. Я встал и осмотрелся. Не было ни одного человека. Остров стоял на месте. Лес как будто исчез. Трупов не было. Точнее, их было всего два. Мои родители... До сих пор не верится, что их не стало. В кармане отца я нашел счастливую монетку, которую мне подарили в детстве. Я взял ее, вернулся в Дрезден и после отправился туда, где живу последнюю неделю – в Кассель. Пережитое заставило меня осознать, насколько дороги были мои родители. Конечно, я их не выбирал при рождении, и они не были королями, как мечтают многие дети, но они были моими, всем, что у меня было. Ведь не что иное, как время, проведенное вместе определяет значимость человека для тебя. Какие эмоции испытывают люди, вспоминая о родных? Только лишь теплые и нежные. Никто не помнит плохого о своих близких.

Теперь я думаю, всякий раз, когда мама или папа сердились на меня, правильно ли я поступал, что сердился на них в ответ? Разве я не мог переосмыслить свои поступки и посмотреть на ситуацию со стороны своих родителей? Теперь я понял, что мог, мог обнять их и сказать, что я больше

так не поступлю, мог сказать те самые три слова, которые люди таят в себе, не желая показывать миру свою душу – я тебя люблю.

Я полюбил не только своих близких, но и этот мир, я увидел его в новых красках не потому, что много путешествовал, а потому, что познал его часть. Также и другой человек должен познать любовь ко всему, и тогда он сможет почувствовать себя свободным.

На этом история заканчивается. Наверное, это последняя запись в дневнике...

Запись 9.

Не могу поверить, но я снова в поезде. Еду в Кенигсвинтер. Как только я написал прошлую запись, в дверь постучали. Я открыл и увидел молодого парня лет двадцати пяти в длинном плаще и перчатках. Он сказал: «Быстрее, идем за мной!». Не знаю, что со мной произошло, но я молниеносно собрал вещи и вылетел из квартиры, чуть не сбив с ног моего нового попутчика. Сейчас он сидит на сиденье напротив и смотрит в окно. Напоминает меня в первые дни моего путешествия... Но сейчас не об этом. Есть очень важная вещь, которую он мне рассказал. Мы подъезжаем к платформе, но я успею записать его слова. Он сказал...

8 мая 1939 г.

Я заканчиваю дневник Экхарта, как и обещал ему перед

тем, как он исчез. Это произошло в замке Драхенбург. Сейчас нет смысла раскрывать тайну, о которой не успел рассказать автор дневника, но я все же скажу. Я понимаю, что мое имя ничего не значит, но у нас с Экхартом оказалось кое-что общее: мы оба обладали вещью, способной убивать практически касанием.

Я буквально шел по следу Экхарта, и, в итоге, застал его пишущим в этот самый дневник. Также в замке я нашел газету, которая, по-видимому, представляет какую-то ценность для Экхарта. Я вложу ее в дневник.

Мы отправились в Кенигсвинтер, недалеко от которого располагается замок Драхенбург. Кто меня туда направил, сказать не могу, ведь, если дневник вернется к автору, это может его шокировать.

Экхарт попросил меня закончить его историю. Теперь она наша, но это не так важно. Ну что же, я напишу все, что помню.

Часть 24

Мы прибыли в замок. Я знаю, что Экхарт любил их описывать, но на это нет времени. Как и не было у нас. Ворота были закрыты, и мы решили осмотреть окрестности. Не нашли следы людей, но мой напарник учуял странный запах. Он сказал: «Очень знакомый». Запах доносился из подвала, как отметил Экхарт. Вскоре мы нашли решетку, запечатанную в стене. Было видно, что в помещении, отделенном от нас железной сеткой, горел свет. Экхарт стал искать какие-то нажимные плиты. Он вернулся с пустыми руками. Им была найдена только гравировка быка с двумя перекрестными топорами. Она висела на стене. Я тем временем нашел железку и не без помощи молотка, который всегда ношу с собой, выбил решетку.

Отверстие было не очень большим, но мы сообразили, что человек сможет протиснуться. Экхарт оказался не из робких и полез первым. Вскоре он дал мне знак, что можно спускаться, и я последовал его примеру. Мы оказались во влажном небольшом помещении. С потолка капала вода. Экхарт сказал, что бывал в таком месте. Я ему поверил, умолчав, что знаю про Ульм. Он быстро сориентировался и нашел какой-то проход в стене. Он вел вверх. Мы вскарабкались и оказались в одной из комнат замка.

Побродив по другим помещениям, мы поняли, что это ла-

биринт. Он состоял из множества комнат с не меньшим количеством дверей. Мы бродили около часа, как вдруг наткнулись на закрытую дверь. Выломав ее привычным мне способом, мы вошли внутрь. В центре прямо на полу сидел какой-то старик. Он сказал: «А, ты привел друга. Так нечестно». Сразу после этих слов он щелкнул пальцами. Экхарт вдруг начал исчезать. Я услышал, как мой друг прошептал: «Вот мы и снова встретились». Он достал из сумки дневник и сказал: «Закончи историю», после чего отдал его мне и окончательно исчез.

Я написал, что обладаю вещью, убивающую касанием, но это не совсем так. У Экхарта были часы, но у меня был дар. Мои руки – вот мое оружие. Я коснулся старика. Теперь я понимаю, что это было ошибкой. Он умер, но ненадолго. Я уже уходил, как вдруг услышал позади: «Уже уходишь?». Я обернулся и вместо старика увидел гигантскую собаку, озлобленно смотревшую прямо мне в глаза. Я побежал. В лабиринте меня преследовали жуткие крики разных животных. Я испугался, но все еще был в уме. Вдруг я вбежал в комнату с окном. Открыв его, я залез внутрь и оказался в таком же помещении, но без дверей. Окно позади меня исчезло. Теперь это была комната, в которой не было ничего. Я стал искать выход, прощупывая стены, но затея оказалась безуспешной. Крики стихли. Я остался совсем один. Просидев около часа, я вдруг вспомнил, что сумка все еще при мне. Стена не устояла перед моим молотком и вскоре

я оказался снаружи.

Но на этом кошмар не кончился. Да, я убежал, но в обычной жизни стал видеть такие ужасы, которые не видел даже в кошмарах. Так было до того момента, пока я с кое-какой помощью не нашел настоящего старика в Ульме, где меня впервые ночью заметил Экхарт. К моему счастью, он не разглядел моего лица, хотя к нему я явился в том же плаще. Но это уже более не важно. Там я застал этого монстра врасплох и избавил от него наш мир. Закончив дело, я сразу же принялся за дневник.

*Я исполнил желание Экхарта и волю моего заказчика. Теперь я свободен, так же как и Экхарт, когда записывал свои последние слова... Мне хочется закончить дневник некой правдой и признанием от меня, но я не могу. В заключение скажу лишь то, что мы оба пойдем, ведь мы видим мир зеркально: *tnag ut nbort ed nrag tan, cevet, trahkce.**

– Где я?

– Это Эдемиссен, мой мальчик. Ты что, потерял родителей? – добродушно сказал дедушка.

– Что? – спросил Экхарт, отпрянув от человека, протягивающего ему руку.

– Пойдем со мной, – настаивал дедушка.

Экхарт перестал отходить назад и вдруг заметил лужу рядом с ним. Он заглянул в нее. В отражении он увидел пятилетнего мальчика со светлыми растрепанными волосами, в

рубашке и серых штанах. Экхарт понял, что оказался в теле незнакомого ему мальчика. Дедушка взял его за руку и проводил к небольшому деревянному дому. Родители с распротертыми объятиями встретили мальчика. Они очень обрадовались, когда он зашел в дом, и после нескольких «не убегай далеко» и «мы волнуемся» принялись его кормить. Навевшись, Экхарт сказал, что хочет пойти погулять, но родители не отпустили даже под предлогом того, что он далеко не пойдет.

Экхарту пришлось остаться дома. Он сидел на стуле и поворачивал голову из стороны в сторону. Взглядом он нашел две кровати, на одной из которых спала мама, а на другой старая бабушка. Также в доме были печь, стол, большой ковер и широкий шкаф для хранения одежды и посуды. Больше ничего Экхарт не заметил, разве что небольшое окошко сразу за печкой.

Папа поцеловал маму и куда-то вышел, надев перчатки и сапоги. «Пошел колоть дрова» – решил Экхарт. Мальчик встал со стула и подошел к окну. Он выглянул: на заднем дворе был сад. Убедившись, что мама все еще спит, он отрыл окно и кое-как вылез через него на улицу.

Сад оказался прекрасен. Каких только цветов в нем не было. Экхарт не узнал ни один. Ему показалось, что растениям нет конца, что они растут везде и всюду. Но он решил, что это оттого, что сам по себе ниже любого цветка. Пройдя сквозь небольшой куст, он вышел на тропинку. Экхарт

услышал щебетание птиц. Оно успокаивало и в то же время придавало уверенности. Тропа привела его к большому дереву, верха которого, казалось, не было видно. Не успел он подойти к нему, как вдруг услышал голос:

– Ты хочешь узнать, кто ты?

– Но я знаю, кто я, – ответил Экхарт.

– И кто же? Маленький мальчик, испугавший своих родителей? – спросил голос.

Экхарт посмотрел на свои маленькие руки и, подняв голову кверху, сказал:

– Скажи мне, кто я.

– Ты – это твоя душа, твое сознание. А человек лишь сосуд.

– Но кто есть люди?

– Я могу дать тебе ответ, но чем ты готов пожертвовать, чтобы узнать правду? – спросил голос.

– Всем, – твердо сказал Экхарт.

– Тебе дарована новая жизнь, но ты хочешь ее отдать за знание, которое не сделает тебя счастливым?

– Неужели смысл жизни в счастье? – спросил Экхарт.

– Это твоя жизнь и тебе ею распоряжаться, – спокойно сказал голос.

– Почему самопознание не может быть целью моей жизни? Если я узнаю, кто я, то моя жизнь прожита не зря, – убеждал Экхарт.

Возникла небольшая пауза.

– Ты не думал, что мог однажды узнать правду?

– Я уже был здесь? – спросил Экхарт после недолгого молчания.

– И не единожды. Что интересно, в этот раз Германия пошла настолько далеко, что сунулась на самую границу с врагом. Порой мне даже кажется, что люди могут быть непредсказуемыми... О чем это я? Ах да, каждый раз ты стремишься выполнять чью-либо волю. Ты не надеялся на себя, но на других. Почему? – спросил голос.

– Потому что я ищу ответы и верю, что именно люди помогут мне найти их. Но раз я их находил, то неужели правда настолько страшна, что я не смог ее принять?

– Экхарт, я вижу, что ты веришь в то, что твоя судьба predetermined и ты всегда оказываешься здесь. Но на самом деле, ты вершишь свою судьбу. Каждый раз я предлагал тебе узнать правду, но ты отказывался. Теперь ты понимаешь, что значит быть человеком? Ты приходил сюда, несмотря на то, что не помнил прошлых событий. В твоей жизни есть только два исхода: жизнь или смерть. Ты можешь сделать выбор, который отсрочит неизбежное. Ты можешь даже спрятаться или бежать, но исход всегда один. Так почему же не прожить жить ради счастья? Почему бы не жить ради того, что тебе дорого, что заставляет тебя вставать с утра и радоваться каждой прожитой минуте? Неужели ты готов провести всю жизнь в поисках единственного ответа, который не даст тебе ничего, кроме вечных скитаний, разочарования

и осознания неизбежности?

Экхарт помолчал, но вдруг сказал:

– Всю жизнь я верил в других людей и полагался только на них, но теперь мне хочется поверить в себя.

– Я вижу, что ты жаждешь правды больше, чем когда-либо. Но я все же спрошу тебя. Что ты выберешь: новую счастливую жизнь или правду?

– Скажи мне, кто я, – твердо ответил Экхарт.

– Когда ты приходил ко мне раньше и верил в людей, но теперь я вижу, что ты поверил в себя. Ты...

Дерево засияло ярким белым светом, который усиливался с каждой секундой. Мальчик сощурился и свет окутал его целиком.

Часть 25

Экхарт проснулся в кресле. Он неспешно открыл глаза и взглянул в окно напротив: виднелись высокая стена и башня. Впереди стоял столик. На нем лежал его дневник. Он открыл его и обнаружил обрывки бумаг и газет. Экхарт приподнялся и посмотрел на них: это были листы, собранные им во время путешествия. Он выложил их на столе так, что они образовали круг. Экхарт прочитал названия по порядку: «*Ulmer Stadtmauer*», «*Márienburg schloss*», «*Schloss Moritzburg*», «*Schloss Dráchenburg*». Последний он не припоминал. Посмотрев на стол, он вдруг вскочил, отыскал глазами сумку, лежащую неподалеку, достал из нее карту Германии и стал лихорадочно обводить карандашом места, которые он посетил. Он отметил все, кроме последнего. «*Edemissen*» – подумал Экхарт. Не заметив ничего необычного, он провел линии между точками на карте в порядке, в котором листы лежали на столе. Проведя последнюю линию в город Ульм, он в испуге отошел от столика: получилась перевернутая пятиконечная звезда.

Прильнув к столу вновь, он вдруг заметил, что ударения в заголовках стоят в странных местах. Экхарт прочитал четыре буквы «*Sata*». Оставалась последняя. Его взгляд пал на *Edemissen*. Экхарт начал перебирать варианты: «*Satad*», «*Satam*»...

– Satan, – тихо произнес он.

– Ах, газеты... – вдруг прозвучал мужской голос позади Экхарта.

Писатель тут же отскочил на пару метров от стола и обернулся. Перед ним стоял мужчина в дорогом на вид костюме с зеленой рубашкой и галстуком, на котором виднелась буква «D». Экхарт сразу узнал незнакомца, которого он встретил когда-то в трамвае.

– А я начинаю верить, что ты сам решил свою судьбу, став писателем. – закончил мужчина.

Экхарт встал в боевую стойку, внимательно наблюдая за движениями мужчины.

– Ты – Дьявол? – спросил Экхарт.

– Так меня зовут. Но когда-то ты называл меня другом, даже сыном... – ответил Дьявол, изображая грустное лицо.

– Я не понимаю.

– И не надо, – улыбнулся Дьявол, – ты и так много для меня сделал. Я благодарен тебе, Экхарт.

– За что? Я ничего не сделал! – вдруг разозлился Экхарт.

– Экхарт, Экхарт... Кто бы мог подумать, что твои крылатые помощники подсобят не тебе, а мне. Ведь это ты следовал их маршруту. Теперь ты увидел его истинное значение.

На лице писателя была изображена глубокая задумчивость.

– Ты открыл проход, Экхарт! – сказал Дьявол припеваючи и начал скользить по квартире, – не кто иной, как ты, вы-

пустил Вельзевула и Асмодея на свободу. Ты думал, что избавляешь мир от зла, но ты все еще мыслишь, как маленький ребенок. Не зря ты писал в своей книжке про то, что для занятия каким-либо делом не нужно обладать особыми умениями. Но, чтобы перехитрить меня, не хватит одной лишь души... Хотя твоей я бы полакомился. Ах, Экхарт, все только начинается! Но, к сожалению, не для тебя. – Дьявол остановился и улыбнулся.

Он стал приближаться к Экхарту. Он схватил что-то рукой, но вдруг понял, что не может двигаться.

– Довольно мучаться, Экхарт. Ты хорошо поработал, но слишком быстро узнал правду.

Дьявол приблизился к своей жертве.

– Поспи-ка еще немного, – прошептал он и коснулся лба Экхарта.

Экхарт открыл глаза. Он стоял на рынке с сумкой в одной руке. В другой была записка. Экхарт прочел: «В новый мир с новыми мыслями». Вдруг он услышал свист поезда...

– Ты был прав. Люди слабы, их легко обмануть...

– Да, – довольно улыбнулся Дьявол, – Вот видишь, я сдержал свою часть уговора и доказал тебе, что на людей нельзя положиться.

Экхарт погладил гладкий поручень лавки и продолжил, не замечая сказанных ему слов:

– Но вот что я понял: они могут вершить свою судьбу сами, – сказал он, вставая с лавочки.

Дьявол увидел, как глаза его собеседника загорелись белым пламенем. Он попятился.

– Я обыграл тебя, даже будучи человеком. Ты думал, что застал меня врасплох? – Экхарт улыбнулся, – ты действительно думал, что я совершу ошибку своих детей? Ты смог обмануть их, но не меня! Насколько далеко ты пошел ради чувства, присущего людям?

– Я не понимаю, как, – заговорил Дьявол.

– Сейчас я тебе растолкую.

Дьявол взглянул на Экхарта испуганными глазами и внезапно исчез. Экхарт оглянулся вокруг, но никого не увидел, лишь Григория, стоящего возле лавочки. Он наблюдал за всем происходящим стеклянным взглядом. Экхарт коснулся лба Григория и исчез в ту же секунду. Журналист закрыл глаза и снова открыл. В руках у него была газета. На ней был заголовок: «Таинственное исчезновение в парке». Чуть ниже было напечатано следующее: «Молодой журналист пропал без вести в парке. Очевидцы утверждают, что видели, как человек среднего роста в костюме зашел в парк ранним утром и не вышел. Поиски продолжаются уже три дня, но тело так и не было найдено...».

Григорий посмотрел на небо. Было темно. Хотя луна освещала парк, но свет был очень тусклым и по какой-то причине имел красноватый оттенок. Что-то шевельнулось по-

зади Григория. Он оглянулся, постоял в тишине несколько секунд, услышал стрекотание сверчков. Свернув газету трубочкой, он засунул ее за пазуху и хотел было пойти домой, как увидел на земле книгу. Рядом с ней лежала половинка листа. Журналист прочитал первое предложение: «Некоторые переводы яз...». Далее было написано: «Metec – мать. Tevec – отец. De – и. Nat – нет. Vet – да. Tu – в. Etne – бросить. Trobe – верить. Gant – человек. Ront – дорога. Gare – сдаваться. Vorte – просить. Чтобы образовать повелительную форму глагола, следует заменить окончание e на n. Существительные могут совмещать сразу нес...».

Найдя запись бесполезной, Григорий перевел внимание на книгу. Он подобрал ее, стряхнул с обложки пару сухих листов и прочитал надпись: Экхарт Дейс «Твоя жизнь». Журналист открыл книгу и начал читать. На первой странице была лишь одна фраза: «Эта книга о тебе». Он перелистнул. Прочитал первую страницу, вторую. Чем больше он читал, тем больше понимал, что это книга ни о чем ином, как о его собственной жизни. Он лихорадочно прочитал около пяти страниц и резко перелистнул в самый конец. Последние страницы были пустые. Он нашел заключительное предложение в середине книги и жадно набросился на него своими глазами: «Дочитав последнюю фразу в Книге Жизни, Григорий потерял сознание...». Григорий упал без чувств.

Вдоль всего сущего простирается белая долина. Утес. На

его краю сидит Экхарт с книгой в руках. Он слышит взмах крыльев. Это ангел.

Он сел рядом с Экхартом. Ангел спросил:

– Так значит вся ваша жизнь была заранее придумана?

– Нет, я сам ее творил.

– Но ведь все, кроме вас говорили вам, что нужно делать. Даже Наталья, будучи ангелом, пишущим в вашей Книге Жизни, показывала вам верный путь.

– Помнишь, я спросил, не считаешь ли ты, что все в этом мире неизбежно?

– Разумеется.

– На самом деле, ни один человек не говорил мне что делать. Я лишь шел по своему пути. Григорий, я прожил жизнь – то, чего я был лишен и что даровал вам, людям. Я понял многое и могу сказать, что человек сам волен решать, кем ему быть и что ему делать. Но самое главное – сохранить в душе истинные эмоции. Те, что заставляют тебя вставать утром и радоваться жизни. Если ты простой человек, желающий изменить весь мир, измени свой. Когда ты сможешь обрести счастье, в этот же миг поймешь, как сделать счастливыми других. А теперь я задаюсь вопросом: так ли важно знать, кто ты есть на самом деле?

– Нет.

– Живи ради того, чтобы обрести счастье. А когда обретешь, поделись им с другими. Не ищи смысла или цели, ведь жизнь – это путь, которым ты идешь, узнавая о мире все

больше и больше. Но не стоит стремиться знать все, ведь для счастья тебе нужно знать лишь самого себя. Я вижу, тебе все же не терпится задать мне этот вопрос?

Наступила тишина.

– Ваш отрывок называется «Цель. Барьер. Достижение».

Скажите, вы достигли своей цели?

– Да, – ответил Бог, вычеркнул что-то на странице пером и закрыл книгу.